
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 40 ОКТЯБРЬ 1976

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 40 (2569)

2 ОКТЯБРЯ 1976

Утро туманное...

ВАЛДАЙСКИЕ

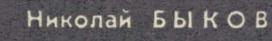
Поле опытно-производственного хозяйства Всесоюзного НИИ льна. Звеньевой Герой Социалистического Труда Евгений Алексеевич Яковлев и директор кандидат сельскохозяйственных наук Николай Павлович Новожилов.

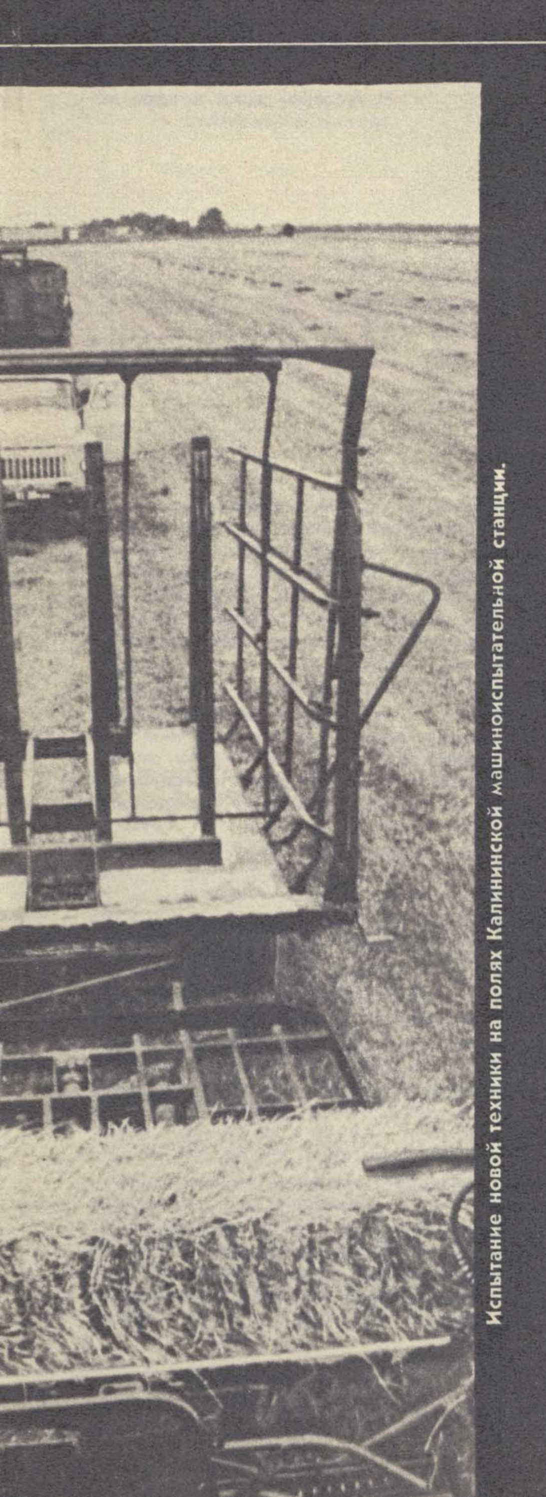
РОДНИКИ

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ

Николай БЫКОВ

Фото Бориса КУЗЬМИНА, специальные корреспонденты «Огонька»

Испытание новой техники на полях Калининской машиноиспытательной станции.

2. НАСЛЕДИЕ

Деревня звучала и пела, как будто новорожденная.

Н. В. Гоголь «Мертвые души».

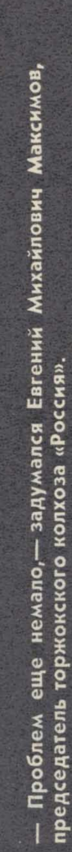
Из Малинников, что не так уж далеки от Торжка, Пушкин весело писал Дельвигу, как однажды раскапризничались барчуки гостеприимного дома: «Не хотим черносливу, хотим Пушкина». Нечто подобное испытывал и я в дороге. Не хотелось туристического «черносливу», соблазнов сервиса на экскурсионном Золотом кольце.

В дороге пришлось и такое услышать: Нечерноземье, мол, это давнее прошлое и, несомненно,

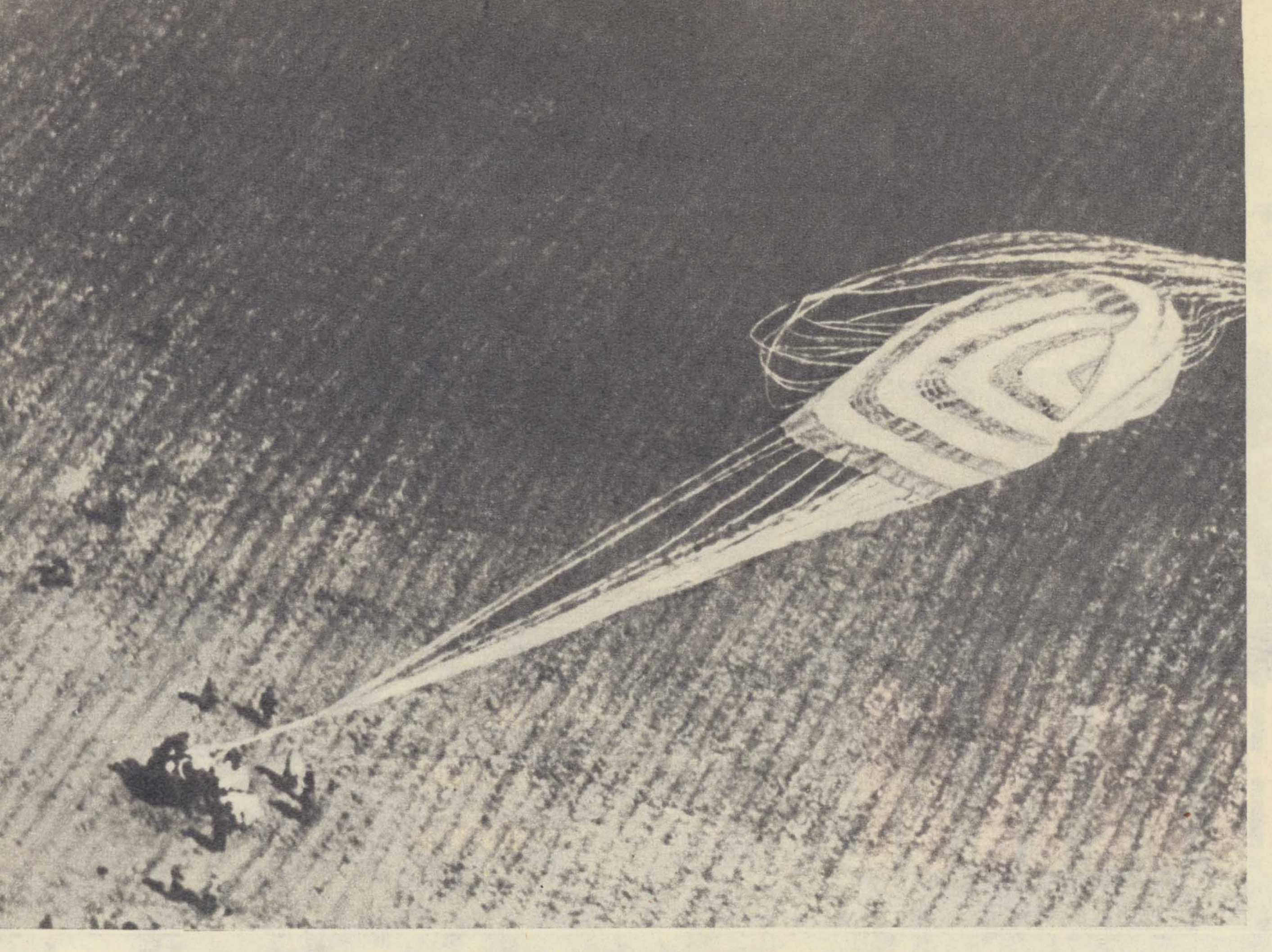
Продолжение. Начало см. «Огонек» № 39.

См. стр. 17.

— Проблем еще немало,— задумался Евгений Михайлович Максимов, председатель торжокского колхоза «Россия».

23 сентября 1976 года космический корабль «Союз-22» с экипажем в составе командира корабля Валерия Быковского и бортинженера Владимира Аксенова возвратился на Землю.

На снимке: Возвращаемый аппарат «Союза-22» на Земле.

В. Быковский (справа) и В. Аксенов дают первое интервью журналистам.

ПОЛЕТ ЗАВЕРШЕН УС

ГОСТИ ЗВЕЗДНОГО

В кабине «космического корабля» генеральный директор народного предприятия «Карл Цейс Йена» Вольфганг Бирман (слева), космонавт-3 А. Г. Николаев и член-корреспондент АН ГДР Карл-Хайнц Мюллер.

Фото А. Пасковиака

— Рады видеть вас в Звездном! — такими словами дважды Герой Советского Союза Андриян Григорьевич Николаев приветствовал гостей из ГДР — представителей народного предприятия «Карл Цейс Йена», которое изготовило многозональный космический фотоаппарат, использованный в орбитальном полете экипажем «Союза-22».

Андриян Григорьевич ведет гостей в большой, светлый зал. Здесь установлены различные тренажеры, возле них космические скафандры, комплексный тренажер для экипажей орбитальных станций, средства спасения при спуске на воду, снаряжение, продовольствие.

Макет «Союза-22» поднимается к самому потолку. Он выполнен в натуральную величину. Рядом пульт управления. В отличие от других «Союзов» на вершине двадцать второго тускло поблескивает огромное круглое око объектива многозональной фотокамеры.

— В этом макете,— поясняет Николаев,— с помощью автоматики и электроники воспроизводится весь космический полет и различные ситуации, которые могут при этом возникнуть. Быковский и Аксенов провели здесь много часов, неоднократно проигрывая свой орбитальный рейс от взлета до посадки. Здесь же они учились работать с вашим МКФ-6.

Потом Николаев приглашает гостей подняться в «космический корабль». Только прежде необходимо снять обувь, чтобы не занести туда пыли и грязи. Открывается металлический люк, и генеральный директор народного предприятия «Карл Цейс Йена» Вольфганг Бирман занимает место командира, а его заместитель,

Телефото А. Пушкарева (ТАСС).

ПЕШНО

член-корреспондент АН ГДР Карл-Хайнц Мюллер — кресло бортинженера.

— Первые космонавты Германской Демократической Республики к полету готовы! — шутливо докладывает Вольфганг Бирман и уже серьезно говорит: — Успешным выполнением этого заказа гордится весь наш коллектив. Работали с энтузиазмом, с большим старанием. Каждое конструкторское решение всесторонне обсуждалось, моделировалось, тщательно исследовалось. Больше двадцати научно-исследовательских учреждений и организаций ГДР участвовали в подготовке этого космического эксперимента. А заключительный этап выполнения космического заказа предприятием «Карл Цейс Йена» состоялся здесь, в макете «Союза-22». Вместе с советскими коллегами наши специалисты приезжали в Звездный для встречи с Быковским и Аксеновым. Обсуждали с ними все тонкости функционирования аппарата, давали последние рекомендации.

— Это было необходимо,— поясняет товарищ Мюллер,— фотоаппарат уникальный, и при его создании возникало немало сложных технических задач. Разрешить их помогло тесное сотрудничество наших и советских специалистов на основе социалистической интеграции. Можно сказать, что МКФ-6 появился на свет в результате научных изысканий Института космических исследований Академии наук СССР и многолетнего технологического опыта нашего предприятия. Я уверен, что космический эксперимент, выполненный «Союзом-22», принесет большую пользу народному хозяйству наших стран, всех государств братского социалистического содружества.

А. ГОЛИКОВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

НА ВЕНСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ

Сергей ЛОСЕВ

30 сентября в венском дворце Хофбурге возобновились трудные переговоры девятнадцати стран о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Они длятся без малого уже три года: срок вполне достаточный для того, чтобы не одна, а обе стороны перешли от выяснения позиций и от исходных «жестких» вариантов предложений к инициативам, способным вывести венские переговоры из тупика и послужить реальной основой для взаимоприемлемого конструктивного соглашения. Этого требуют интересы мира, и народы не поймут, если в Вене не будут своевременно использованы благоприятные условия для военной разрядки, создавшиеся после успешного завершения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Для обеспечения решающего рывка на хофбургских встречах необходимо строго соблюдать согласованные на подготовительных консультациях принципы: сокращение вооружений и вооруженных сил не должно наносить ущерба безопасности ни одной из сторон, должно иметь взаимный характер и исключать возможность односторонней выгоды за счет другого. Именно такого подхода скрупулезно придерживается Советский Союз и другие социалистические страны — участницы переговоров. Ради достижения разумного компромисса социалистические государства в своих предложениях от 19 февраля нынешнего года согласились сократить на первом этапе только вооруженные силы СССР и США, дислоцированные в Центральной Европе, на чем и настаивали делегации стран НАТО. Это сокращение предполагалось претворить в жизнь уже в 1976 году. На этом этапе остальные прямые участники переговоров должны лишь «заморозить» численный состав своих вооруженных сил. В сам процесс сокращения они включатся на втором этапе — в 1977—1978 годах.

Однако и это логичное предложение пока не принято Западом. Весь 1976 год НАТО продолжало наращивать численность и ударную мощь своих боевых частей в Центральной Европе. Военные расходы стран НАТО за 1971—1975 годы более чем удвоились. Стремясь отодвинуть на неопределенный срок сокращение вооружений и вооруженных сил европейских участников Североатлантического блока, западные партнеры на переговорах упорно отказываются взять на себя даже общие обязательства о сроках и объеме их сокращения на втором этапе.

Если говорить о коренном пороке западного подхода, то он базируется на фальшивой пропагандистской идее мнимого превосходства сил Варшавского Договора в Центральной Европе. Исходя из этого, западные делегации отвергают наши обоснованные предложения о пропорциональном сокращении и домогаются того, чтобы социалистические государства осуществили «асимметричное сокращение». На деле это означало бы, что СССР, ГДР, Польше и ЧССР пришлось бы сократить свои вооруженные силы и вооружения в Центральной Европе почти втрое больше, чем США, Англии, ФРГ, Бельгии, Нидерландам и Люксембургу.

Конечно, такая позиция идет вразрез с основополагающим принципом отказа от попыток добиться односторонних выгод военного характера. Как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «если говорить о Центральной Европе, то больших различий между размерами вооруженных сил стран Варшавского Договора и НАТО здесь нет. Существует, причем уже много лет, более или менее одинаковый их уровень (с определенным различием их профилей у каждой стороны). И западным державам это так же хорошо известно, как и нам».

Страны НАТО до сих пор не ответили взаимностью на представление в июне этого года социалистическими государствами цифровых данных об общей численности вооруженных сил стран Варшавского Договора в Центральной Европе. В чем причина подобной задержки? Не в том ли, что обмен достоверными данными о численности войск Варшавского Договора и НАТО подтвердил бы общественности Запада лживость утверждений о «превосходстве» сил Варшавского Договора?

Последние западные предложения предусматривают вывод из Западной Европы тысячи из 7000 размещенных там американских тактических ядерных боеголовок. Мы не будем повторять дурной прием западной пропаганды, которая каждое предложение социалистических стран в Вене сопровождает репликой: «В нем нет ничего нового». Ядерные боеголовки есть ядерные боеголовки. Но сами руководители НАТО признают, что эту меру следует рассматривать не в плане взаимного сокращения, а скорее в плане давно намечавшейся модернизации и совершенствования американского ядерного арсенала в Европе. Ракетные установки «Першинг», очевидно, были бы вывезены из Западной Европы и без венских переговоров.

Столь же сомнительна позиция западных партнеров и в отношении сокращения сухопутных сил. Странам Варшавского Договора они предлагают вывести из Центральной Европы крупные воинские формирования, а за собой резервируют право сокращать военнослужащих и вольнонаемных из вспомогательных служб и подразделений.

Февральское предложение социалистических государств, если подойти к нему беспристрастно, является достаточно хорошей основой для продолжения переговоров и практической выработки текста соглашения о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Дело теперь за Западом. Если наши западные партнеры прекратят бесперспективные попытки добиться односторонних военных преимуществ, то успех придет и на венские переговоры.

Участник Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук (второй слева), руководитель кафедры научного коммунизма Высшей партийной школы при ЦК КПСС, доктор философских наук, профессор Анатолий Алексеевич Амвросов рассказывает слушателям ВПШ о работе совещания.

Фото Б. Кузьмина

ИДЕЙНАЯ УБЕЖДЕННОСТЬ СТРОИТЕЛЕЙ КОММУНИЗМА

Трудно переоценить роль наших вузов в решении грандиозных задач коммунистического строительства, намеченных XXV съездом КПСС. 9 миллионов 100 тысяч высококвалифицированных специалистов дали стране в годы девятой пятилетки высшие и средние специальные учебные заведения. Сегодня все в большей мере критерием деятельности вузов становится качество научной и практической подготовки их питомцев, умение вооружить их знанием основ марксизма-ленинизма, научить в совершенстве пользоваться этим могучим идейно-теоретическим оружием, чтобы важнейшие принципы марксистско-ленинского учения стали принципами жизни и деятельности будущих специалистов.

Проблемы эти широко и всесторонне обсуждались на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений.

Совещание открыл заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С. П. Трапезников. С докладом «XXV съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук» выступил секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин. От имени Центрального Комитета КПСС он приветствовал участников совещания и передал им сердечный привет и добрые пожелания от Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

В работе и решениях XXV съезда КПСС, как и во всей деятельности партии, ее Центрального Комитета, большое внимание уделяется науке, отметил докладчик. Активная и плодотворная разработка нашей партией научного коммунизма, сосредоточение ею усилий теоретических кадров, работников общественных наук на изучении важнейших проблем экономического и социально-политического развития советского общества, исследовании вместе с братскими партиями принципиальных вопросов развития мировой системы социализма, революционно-освободительного движения, всего современного мирового развития в целом — все это обогащает учение марксизма-ленинизма. В свете решений и идей съезда открываются новые горизонты развития фундаментальных и прикладных исследований в области общественных, естественных и технических наук.

Формирование коммунистического мировоззрения, идеалов и убеждений студенчества является одним из важных направлений идеологической работы партии. И партия рассчитывает в полной мере на помощь кафедр общественных наук, на их теоретический, научно-методический и прямой педагогический вклад в комплексное решение проблем коммунистического воспитания молодежи.

С докладом «XXV съезд КПСС и задачи повышения качества подготовки высококвалифицированных специалистов» выступил на совещании министр высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютин.

Задачи научных исследований в области общественных наук в свете решений XXV съезда КПСС — такова была тема доклада вице-президента Академии наук СССР П. Н. Федосеева.

Совещание, открывшееся 21 сентября в Большом Кремлевском дворце, длилось три дня. Участники совещания единодушно приняли письмо Центральному Комитету КПСС, Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу.

Во время заключительного пленарного заседания.

Телефото АП — ТАСС.

ФОРУМ СТОРОННИКОВ МИРА

Борьбе за упрочение мира, одной из самых животрепещущих проблем современности, была посвящена проходившая с 23 по 26 сентября в хельсинкском Дворце конгрессов «Диполи» Всемирная конференция за прекращение гонки вооружений, за разоружение и разрядку.

Конференция проводилась под эгидой Международного совета по продолжению действий и связям Всемирного конгресса миролюбивых сил, состоявшегося в Москве в 1973 году, и по своим благородным целям и задачам служит прямым продолжением московского конгресса.

В работе конференции приняли участие около пятисот делегатов, представляющих общественность более ста стран всех континентов мира, а также около 50 международных организаций.

Делегаты обсуждали различные аспекты прекращения гонки вооружений, запрещения ядерного и других видов оружия массового уничтожения, влияния разоружения на положение в развивающихся странах, социальных и экономических последствий прекращения гонки вооружений и разоружения, а также задачи, которые стоят в этой связи перед средствами массовой информации.

Советская общественность, заявил в своем выступлении глава советской делегации академик Е. К. Федоров, полностью поддерживает политическую линию, выработанную XXV съездом КПСС, программу дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, сформулированную в Отчетном докладе ЦК КПСС съезду Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. Один из ее центральных моментов — курс на прекращение гонки вооружений и разоружение. Программа основывается на стремлении не только обеспечить необходимые внешнеполитические условия для дальнейшего подъема благосостояния советских людей, социального прогресса нашей страны, ее продвижения к коммунизму, но и устранить опасность новой мировой войны из жизни человечества.

Участники конференции, представляющие миллионы и миллионы людей доброй воли, заявляли о готовности всемерно поддерживать позитивные процессы разрядки и разоружения. Это выражено и в заключительных документах конференции — послании Генеральной Ассамблее ООН, заявлении и декларации.

7 ОКТЯБРЯ — 27-я ГОДОВЩИНА ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В ОКТЯБРЕ

Вл. РУДИМ

Берлин праздничный. Фото А. Награльяна

В тот исторический — 7 октября 1949 года — день я был в Берлине. О знаменательном событии сообщило прежде всего радио. Газеты раскуплены мгновенно. Октябрьский Берлин ликовал!

Я долго бродил по городу. Унтер-ден-Линден. Руины посольских особняков. Тротуары в воронках от бомб. Липы, прославившие улицу, с ветвями, обрубленными осколками снарядов. Окна разбомбленных домов заложены кирпичами, вход в метро на Александерплац полуразрушен, то здесь, то там надписи на стенах по-немецки и по-русски: «Берегись обвала».

У входа в Университет имени Александра Гумбольдта, там, где чудом уцелела скульптура выдающегося ученого, трепещут на ветру трехцветные государственные флаги. И не только здесь — всюду. На круглых, пробитых пулями тумбах для афиш портреты Вильгельма Пика и Отто Гротеволя, их биографии. Балконы тоже украшены флагами, а к стеклам окон приклеены трехцветные бумажные лепестки.

Я побывал на одном из крупнейших заводов столицы — электроламповом. На обширном дворе трибуна. После смены — митинг, восторженные речи. Вот слова старого рабочего Ганса Блея:

— Сегодня начинается новая история Германии. И мы никогда не забудем, кто открыл эту страницу истории: Советский Союз, освободивший нас от фашистской чумы.

На большой площади Люстгартен, недалеко от Бранденбургских ворот (теперь она называется Маркс-Энгельс-плац), — общегородской митинг.

Шли колонны со знаменами, взрослые вели за руки ребят. Синели, словно лоскутки неба, пионерские галстуки.

Народ все прибывал. Из дальних районов города и из провинции приезжали на грузовиках. Весь Берлин горячо приветствовал провозглашение ГДР.

Над головами плывет белое полотнище с ярко-синими словами: «К первой годовщине ГДР дадим воду для Ауэ». Это строители плотины Зоза в Саксонии — первой молодежной стройки. Мне довелось побывать там трижды, и я знал многих. В первом ряду идет Зигфрид Граупнер — вожак молодежного трехтысячного отряда. Уже тогда его знали и в Саксонии и в других местах, о таких, как он, говорили: «Активист первого часа».

Вспоминается первая встреча с Зигфридом. Стройка только начиналась. Уже выросла среди сосен деревянный городок, протянулась по дну будущего озера узкоколейка. И все знали, что через год здесь будет плотина шестидесятиметровой высоты, озеро-море в тридцать четыре гектара. Район Ауэ, Рудные горы получат вдоволь воды.

— Вот это размах, вот это масштабы! — сказал мне восторженно Зигфрид. Он рассказывал о стройке, память о ней — мозоли на ладонях: он валил вместе с ребятами лес.

К первой годовщине ГДР каменная излучина плотины была готова! Зозу назвали «плотиной мира».

Зигфрид Граупнер вместе с друзьями отправляется на новую стройку — на Одер, где должен вырасти металлургический комбинат «Ост» и первый социалистический город республики — Эйзенхюттенштадт. Зигфрид руководит там учебным комбинатом молодежи, самым крупным в ГДР. Тысяча учащихся!

«Из них надо сделать не только хороших строителей, но и достойных граждан немецкого социалистического государства», — писал мне тогда Граупнер. И он выполнил задание партии.

Май 1959 года. Зигфрид в Шведте — там началось сооружение крупнейшего нефтеперерабатывающего комбината, куда по нефтепроводу «Дружба» через несколько лет пришла советская нефть.

Оттуда снова приходили короткие вести от Граупнера. Короткие, редкие. И не удивительно: ведь он заместитель начальника строительства, заместитель секретаря парторганизации и руководитель штаба Союза свободной немецкой молодежи.

1964 год. Граупнера ждет новое назначение. В Шведте, как и в Зозе и в Эйзенхюттенштадте, осталась выращенная им надежная смена, многочисленные ученики. Там трудится его старший сын Вильфрид, получивший высшее техническое образование, там работает электриком его младший сын, Вольфганг. Оба женаты, и теперь Зигфрид Граупнер стал дедушкой... Тот, кто знает его, произносит это слово с доброй улыбкой: дедушка полон неиссякаемой энергии. Он любит напевать песню, ставшую его девизом: «Мы кузнецы, и дух наш молод». Кстати, когда в Центральном Совете ССНМ Граупнеру предложили возглавить молодежную строительную армию на «Норде», он улыбнулся: «Вы шутите? Ведь мне уже за пятьдесят». И поехал на новую работу в своей неизменной синей блузе. Поехал на север, к побережью Балтийского моря, туда, где начиналось возведение атомной электростанции «Норд» — стройки, над которой взял шефство комсомол республики. Должность — руководитель штаба ССНМ.

Давайте отправимся туда.

Широкий въезд на территорию атомной. Вот он, наш старый знакомый, наш верный друг Зигфрид Граупнер. Такой же, как и прежде, — темпераментный, быстрый, энергичный. Теперь Зигфрид возглавляет отдел международного сотрудничества. Здесь, на атомной, как и на других стройках ГДР, трудятся немецкие и советские специалисты. Он называет их имена, фамилии — точно, без ошибок и даже без акцента. И не удивительно, ведь Зигфрид Граупнер был в Советском Союзе, он возглавлял молодежную бригаду на строительстве Ленинского мемориального комплекса в Ульяновске. Он показал мне дорогой для него документ: «Мы, ульяновцы, с благодарностью вспоминаем об активном участии в строительстве Ленинского мемориала бригады молодых рабочих Зигфрида Граупнера из ГДР. В этом мы видим одно из ярких проявлений социалистического интернационализма. П. Баранов, директор Ленинского мемориала».

Семимильными шагами идет теперь ГДР. И с нею в ногу, не отставая, Зигфрид Граупнер. Он награжден орденами «За заслуги перед Отечеством», «Знамя труда», золотой медалью Артура Беккера. И это не полный перечень его отличий.

— Главная моя награда, — говорит Зигфрид, — то, что мы вырастили достойную смену. Сегодня молодые знают больше, чем мы знали в свои восемнадцать — двадцать лет, они умеют больше, у них отличные руки и, как у нас, верные делу социализма сердца.

...Почтальон приносит мне все новые письма из Любмина. Конечно, Граупнер в первую очередь сообщает об успехах строителей «Норда», воодушевленных XXV съездом КПСС и IX съездом СЕПГ. Монтаж очередного реактора идет по графику. Коммунисты решили на собрании пустить третий блок к 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

И еще новость: по инициативе организации Общества германо-советской дружбы (в ней более двух тысяч членов) создается коллективная «Книга дружбы». Она расскажет об очень многом. Об интернациональных бригадах «Норда», поездках на Нововоронежскую АЭС и встречах с нововоронежцами в Любмине. Эта книга расскажет о нашем соотечественнике Михаиле Ивановиче Иванове. Шестнадцатилетним парнишкой вступил он в Красную Гвардию, потом работал и учился, закончил энергетический институт и стал главным инженером проекта АЭС «Норд». Правительство ГДР присвоило Иванову высокое звание «Герой труда».

«Уже столько собралось материала, — пишет Зигфрид, — что, наверное, выпустим несколько книг: ведь каждый день приносит все новые факты крепнущей дружбы наших народов».

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

ГАЗЛИ

ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

интервью «огонька»

1

Это интервью я брал в эпицентре газлийского землетрясения, в пустынных предгорьях хребта Кульджуктау. Земля под ногами здесь все еще покачивается и вздрагивает. Мой спутник и собеседник Абдуразак Умаров удивительно спокоен и невозмутим: стоит на пульсирующей планете и, приложив козырьком руку к глазам, смотрит в ту сторону, где за горизонтом, километрах в семидесяти, за желтым маревом, лежит поселок Газли. Умаров — председатель его исполкома. 17 мая 1976 года буквально за считанные секунды он лишился всего своего «хозяйства». В 7 часов 58 минут 33 секунды, когда Умаров уже подходил к исполкому, земля вдруг вздыбилась, шатнулась и 118 тысяч квадратных метров жилья превратились в развалины. День этот Умаров вспоминать не любит. Зато о сегодняшнем Газли он рассказывает с истинным удовольствием:

— В городе уже построено и заселено свыше двухсот домов. Сданы в эксплуатацию больница на пятьдесят коек и две школы на пятьсот мест каждая. Два детских сада, уютных, хорошо оборудованных, уже приняли триста ребятишек. А сколько радости доставил хозяйкам новый Дом быта с многочисленными видами услуг!

На центральной улице поселка распахнули двери два больших продовольственных магазина. Появился специализированный магазин «Овощи — фрукты», салон по продаже промтоваров, магазин «Детский мир». К зиме будет готов и Дворец культуры — со зрительным залом на триста мест, библиотекой, классами для занятий кружков.

Помощь к нам шла и летела со всех краев. Разве можно было бы столько настроить за несколько недель, если бы нам не помогала вся страна? Связь с Газли не прерывалась ни на одну минуту. Для этого над Бухарой и нашим поселком висели в небе два вертолета, и через них осуществлялась связь с Ташкентом, Москвой... В общем, стихия стихией, а землетрясение вновь показало, насколько силен и непоколебим советский человек.

На перекрестке главной магистрали Умаров неожиданно высунулся из окна машины и помахал водителю встречного грузовика. Тот остановился. Умаров вышел, и они о чем-то коротко поговорили. Вернулся он довольный: «Кондиционеры поступили. Теперь в домах газлийцев и прохлада поселится». «Ну, а какие проблемы волнуют вас сегодня больше всего?» Он засмеялся и весело ответил: «Названия новых улиц Газли — хотим, чтобы нигде таких не было. А выбор у нас большой. Одни назовем в честь лучших строителей, другие именами наших центральных газет, которые так много писали о Газли. У нас помнят, что и «Огонек» немало рассказывал о нашем поселке, о газовиках, снабжающих голубым золотом всю страну. Кстати, вы знаете, что старое название Газли звучит как Гажду, что означает «Огонь». И народ у нас здесь огневой, а потому мы обязательно достигнем намеченных партией рубежей — дать стране к концу десятой пятилетки четыреста — четыреста тридцать пять миллиардов кубических метров газа. Порукой тому — наше отличное трудовое настроение.

Виталий ЗАСЕЕВ

На снимке: они приехали из Тулы, чтобы помочь друзьям в Газли.

Фото В. Сваричевского

ОГНИ ЗЕИ

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

2

...Пройдут годы, заживут раны, нанесенные интервентами, и Советская власть сделает все, чтобы этот край, забытый раньше царем и богом, зажил новой, счастливой жизнью. И это время придет. Не заревом партизанских костров, а светом электрических станций озарится край, отвоеванный нами в трудных боях с интервентами... Эти слова принадлежат герою гражданской войны на Дальнем Востоке Сергею Лазо. Умирая за Советскую власть, коммунисты верили, что их мечта осуществится.

XXIV съезд КПСС дал задание гидростроителям: в девятой пятилетке пустить первый агрегат дальневосточного первенца — Зейской ГЭС. XXV съезд определил: в десятой пятилетке завершить сооружение гидростанции на Зее, развернуть строительство на Бурее, ввести в действие первые агрегаты на Колыме.

...Менее чем через год после того памятного дня, как Зея закрутила лопасти первого агрегата, она пустила под нагрузку и второй, мощностью в 215 тысяч киловатт. Достигнув проектной мощности, гидроэлектростанция на Зее станет надежной энергетической основой развивающейся промышленности Дальнего Востока. Уже сегодня Зея дает электроэнергию строителям БАМа.

В. КУЗНЕЦОВ, собкор «Огонька»

На снимке: строитель Зейской ГЭС Петр Васильков.

Фото автора

СЫКТЫВКАР

ИССЛЕДУЕТСЯ ЛЕС

3

В этой лаборатории трудится около двадцати ученых Коми филиала Академии наук СССР — лесоводы, физиологи лесных древесных растений, почвоведы, климатологи, зоологи, энтомологи. Расположена она прямо в лесу, в пятидесяти километрах от столицы Коми республики.

Как известно, ученые редко спешат с выводами. Но первые рекомендации хозяев «зеленой лаборатории» заслуживают внимания. Они утверждают, что разведение, например, лесоплантаций в северной подзоне тайги, которое сейчас широко практикуется в республике, экономически невыгодно. Лучше, считают они, создавать их в более южных районах Коми АССР. Исследователи также доказывают, что на территории республики целесообразнее выращивать сосняк, чем, скажем, ельник. Сосны под северным солнцем растут быстрее, раньше набирают силу, и эффект от них для народного хозяйства, естественно, более высок.

Пройдет время — завершатся и другие исследования, а пока каждый ученый занят своим делом. Замеряются уровни в камерах для сбора атмосферных осадков, дежурный записывает показания метеоприборов, собирают образцы древесных растений, накапливается материал для новых рекомендаций.

Г. ТУРЬЕВ, корреспондент газеты «Красное знамя»

На снимке: младший научный сотрудник Э. П. Галенко ведет подготовку актинометрических приборов к наблюдениям.

Фото В. Ячменев

ДОНЕЦК

ВАШЕ УВЛЕЧЕНИЕ? НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА...

4

Илья Федорович Шумило увлекается звездами. Бывший преподаватель средней школы № 65 города Донецка много лет работал над созданием оригинальной карты нашего северного неба. С ее помощью можно определять время восхода и захода небесных светил, демонстрировать движение планет солнечной системы.

Группа специалистов астросовета АН СССР — среди них профессор С. К. Всехсвятский, кандидат физико-математических наук К. И. Чурюмов и другие ученые — так определила важность работы энтузиаста, удачно сочетающего качества астронома и конструктора: «Вращающаяся многоширотная звездно-планетная карта И. Ф. Шумило представляет собой ценное пособие, позволяющее наблюдать положение различных небесных тел — звезд, планет, комет, их передвижение из любой точки, находящейся на любой широте северного полушария».

Г. НАВРИЧЕВСКИЙ

На снимке: И. Ф. Шумило у созданной им карты.

Фото автора

МОСКВА

ТЕХНИКА — ОЛИМПИАДЕ

5

До открытия Олимпийских игр в Москве еще четыре года, но для организаторов Олимпиады на счету каждый день. Подготовка самых больших спортивных соревнований современности — задача широчайшего диапазона, ее можно решить лишь с помощью самой передовой науки и техники. Вот почему одним из первых начинаний Оргкомитета «Олимпиада-80» было проведение большой международной специализированной выставки, которая проходила под девизом «Техника — Олимпиаде».

Принять участие в подготовке Олимпийских игр в Москве выразили желание больше трехсот фирм из 22 стран. Их изделия разместились в двух павильонах ВДНХ и вызвали огромный интерес как массы зрителей, так и специалистов.

На выставке были представлены такие всемирно известные фирмы, как «Сименс», «Телефункен», «Лонжин», «Оливетти». Диапазон предлагаемых изделий очень широк — от световых табло венгерского «Электроимпекса» до электронных секундомеров одной из старейших швейцарских фирм «Хойер», которая свои первые хронометры выпустила более ста лет назад. Гостиничное оборудование, мебель, покрытия для спортивных залов, спортивная обувь «Адидас» и «Пума», тренировочные костюмы, оборудование бассейнов, автобусы, строительные материалы, сборные дома, сиденья для стадионов, радио, телефонные, телевизионные, звукозаписывающие системы. «Все для Олимпиады» — так можно было бы назвать эту интересную выставку.

И вот первые итоги. Как стало известно после закрытия выставки, сорок шесть фирм и торговых объединений предоставили выставленную на стендах продукцию в безвозмездное пользование Оргкомитету. За две недели состоялось 250 встреч, бесед, переговоров советских специалистов с представителями различных фирм. Подписано свыше сорока меморандумов и проектов, на основе которых переговоры будут продолжены. А ряд фирм уже сейчас получили звание официального поставщика игр XXII Олимпиады. Среди них венгерские объединения «Электроимпекс» и «Тунгсрам», канадская компания «Купер-групп» и многие другие.

В. ВИКТОРОВ

На снимке: в павильоне ГДР.

ТАЛЛИН

«НАТАШУ» ЖДУТ В ЛОНДОНЕ

6

По мнению заведующего «Русским магазином» в Лондоне К. Смита, куклы, изготовленные на Таллинском заводе строительной керамики, прекрасно вписываются в интерьер гостиных и загородных вилл в «туманном Альбионе».

...Сидит девочка, подперев кулачками голову, и словно слушает старую сказку. Такой представилась эстонской художнице Лайне Сиза керамическая фигурка Наташи. Сейчас в Таллине делают куклы по эскизам и формам, которые предложены Велдой Сойдла, Лео Рохлиным и другими художниками. Так у керамической «Наташи» появились подруги — «Ольга», «Тамара», «Галина». В линиях статуэток чувствуется прибалтийский колорит, он передан с помощью пластичной южноэстонской глины и традиционной для таллинских мастеров терракоты с применением глазури.

Недавно в Москве, в павильонах всесоюзного объединения «Новоэкспорт», были представлены сувениры, изготовленные во многих городах нашей страны. Выставка проводилась специально для представителей торговых фирм зарубежных стран. Там и был заключен договор на поставку керамических кукол из Эстонии в «Русский магазин» Лондона. Самой популярной оказалась «Наташа».

А. ХАРЧЕНКО

Фото Д. Пранца

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Мункачи

«Мункачи один из самых решительных, неукротимых реалистов в Европе... Он смел, резок, неправилен, но зато глубоко правдив и выразителен: создаватели новых школ и направлений всегда таковы».

В. СТАСОВ

Почти каждый человек в начале своей жизни таит в себе художника. Большинство детей охотно рисует. Они особо ярко видят окружающий мир и самобытно, с поражающей откровенностью изображают раскрывающуюся перед ними жизненную новь, со свежестью и остротой, равной, пожалуй, по своей бескомпромиссности лишь первым наскальным рисункам, нанесенным на стены пещер человеком. Но потом у многих малышей с возрастом эта любовь к рисованию пропадает и к совершеннолетию порою исчезает вовсе. Почему? Может быть, за такой короткий срок иссяк талант? Нет, думается, потому, что поразительно ясное видение мира ребенком постепенно, день за днем сталкивается с целым рядом понятий, определений, регламентов, встречается с роем отвлекающих обязанностей, а главное, что реализация, то есть изображение усиливающегося и усложняющегося с каждым часом потока впечатлений, или, как сейчас модно говорить, информации, требует от подрастающего ребенка более зрелого знания предмета, мастерства и, конечно, все большего количества труда и даже большей ответственности за изображение. Поэтому далеко не каждый способен вынести бремя своего таланта. Гораздо проще в самом начале отказаться от беспокойного и очень требовательного груза творчества с его сложными и порою горькими страницами жизни. Но эта детская тяга к рисованию остается у многих людей как воспоминание о первой любви, о каком-то волшебном ощущении яркого видения мира и проявляется потом в течение всей жизни в трепетном желании глядеть на прекрасные картины и скульптуры, ходить в музеи и на выставки. Может быть, потому любовь к искусству — удел многих, многих миллионов людей, и эта жажда красоты поистине неутолима. И еще одна важнейшая деталь. Все впечатления детства, воспринятые когда-то ребенком, ярко преследуют нас всю жизнь, оставляя неизгладимый след в нашей зрительной памяти.

* * *

Михай Мункачи остался круглым сиротой в шесть лет. Он особенно остро, невероятно пронзительно увидел мир сквозь слезы ранних обид и огорчений. Михай жил в людях. Его уделом был постоянный страх. Едва малышу минуло десять лет, его отдали в ученики к столяру. Так будущий великий художник стал инашем — подмастерьем. Дни его «золотого детства» были до краев полны горем. Паренек узнал с лихвой этот горький, горький и светлый мир со всеми его огорчениями и радостями. И запаса воспоминаний хватит будущему мастеру на всю жизнь. Ни успехи, ни слава, ни светская суета, ни богатство не вытравят в нем до конца душу венгерского паренька из народа — и н а ш а. Живопись Мункачи в лучших его творениях носит в себе контрастность его детских впечатлений — мрак с ослепляющими ударами белого... Таким видел мир юный Михай.

«Голова зевающего инаша»... Зевок. Мучительный. Тяжкий. Рот зияет черной ямой, только посверкивают оскаленные зубы, ломит скулы, плотно сомкнуты ресницы. Страдальчески сдвинуты брови. Не вздох — стон оглашает темную каморку... Спать хочется!

Этюд великого венгерского художника Мункачи написан в 1868 году, когда мастеру было двадцать четыре года. Через год он окончит картину «Зевающий инаш», в которой зритель увидит не только портрет подмастерья, но и всю фигуру мальчишки, и нищую комнатушку, неприбранную, жалкую постель, и весь этот немудреный интерьер, сам воздух которого еще гудит от тычков, побоев и хозяйской ругани... Холст, созданный дерзкой рукой молодого живописца, вывел Михая Мункачи в первые ряды реалистов XIX века. С поистине гальсовской силой написан холст. Великолепен, до предела остр ракурс этой головы, но не артистизм живописной кладки, не точность мазка, не даже покоряющая простота колорита, свойственная лишь старым мастерам, нет, не это сразу делает Мункачи фигурой поистине незаурядной, покорившей избалованную блестящими дарованиями Европу. Р а з я щ а я п р а в д а! Вот что становится единственным мерилом усилий художника, и пока Мункачи был верен этому своему девизу, он побеждал.

Судьба любого большого художника далека от сходства с безоблачным небом, озаренным неуходящим солнцем его таланта. Вчитайтесь в биографии великих мастеров искусства, и вас ослепит блеск молний и оглушит грохот грома, потрясающий небосвод их творчества. Вы будете поражены невероятными капризами их судьбы, столкновениями добрых и злых сил, то мешающих, то помогающих их работе. Но великие тем и отличаются от малых, что, вступая в соприкосновение с невзгодами и бедами, они вопреки логике лишь закаляют свое искусство. Так благородная сталь, проходя искус огнем, обретает истинную крепость... Но чего стоит соприкосновение живой плоти человека-творца с пламенем судьбы? Подумайте об этом. Путь каждого живописца всегда сложен, и Мункачи пережил на своем творческом пути ошеломляющие взлеты и падения. Но вернемся к «Зевающему инашу».

Как далась молодому мастеру такая обличительная сила? Как сумел он так глубоко проникнуть в бездну психологии подростка?.. Только сама жизнь, лишь сама судьба творца этого полотна могла сообщить неотразимую правду бытия маленькому холсту. Никакие литературные подробности, никакие ухищрения салонного жанра не смогли бы никогда восполнить то, что зовется жизненным опытом, знанием жизни, порой и горькой и суровой,— все, что с лихвой познал юный Михай с самых первых своих шагов, и это сделало его талант тем единственным и неповторимым явлением в искусстве, которое зовется коротко и звучно: М у н к а ч и!

В сложном и прекрасном мире истории большой живописи есть мастера, имена которых при одном даже их упоминании немедля вызывают поток ассоциаций, образов, целый зрительный ряд — объемный, цветной, пластически ясный, неподражаемый и, как правило, глубоко национальный... Имена великих живописцев заставляют нас буквально в неуловимые доли секунды представить себе великолепный и убогий, смеющийся и мрачный, сверкающий весельем и гнетущий своей безысходностью мир. Мир далекой, порой давно ушедшей от нас жизни. И этот сонм образов вмиг обрушивается на сознание, как бы мы ни сопротивлялись. Такова магия однажды увиденного и прочувствованного искусства. Перед нашим мысленным взором словно восстают из небытия, будто выходят из рамы нашей памяти лики позабытых героев, образы ныне неведомых прекрасных женщин, суровые лица предков...

Мункачи. Вы слышите это имя, и в сознании, будто озаренные молнией, предстают его полотна. И я вижу вновь его неповторимые сцены из народной жизни Венгрии тех давних лет, нет, не сцены — саму терпкую и горькую, а порою страшную жизнь той эпохи. Среди десятков его картин первой я вспоминаю ту, которую недавно видел в Национальной галерее в Будапеште.

«Дом печали»... Последний день жизни приговоренного к смерти бетьяра — так звали робинов гудов Венгрии, этих великодушных и справедливых разбойников из народа, страшных лишь для толстосумов и знати. Последние часы перед казнью. По закону тех лет, придуманному для устрашения людей, было сделано так, что любой мог прийти посетить обреченного. Бетьяр сидит за столом. Тяжелая рука опущена на белую скатерть. За окном яркий день. Но горят две свечи, напоминая о трагедии. Позванивают кандалы на ногах. Брошена на пол библия. Осужденный сжал кулаки. Он отвернулся от докучливых взоров. Рыдает жена, прильнувшая к холодной, сырой стене. Ничего не понимает маленькая дочка. На переднем плане, спиной к нам, взъерошенный мальчуган. Это, может быть, сам маленький Михай Мункачи, будущий автор картины. Ведь он не раз в юности был свидетелем подобных сцен. Задумался жандарм. С ужасом глядит на бетьяра случайно зашедшая молодая женщина, прижимая к груди своего младенца. Скорбит усатый мужчина в черном плаще. Он скрестил руки, но взор его обещает, что смерть бетьяра не останется без возмездия. Часы отмеряют последние минуты. Вот звякнула монетка, брошенная в стоящую на полу тарелку. И снова зловещая тишина, лишь потрескивает нагар на свечах да всхлипывает жена бетьяра. На белой скатерти с черной каймой стоит кувшин с вином, но вино не тронуто. Сурово насупил брови разбойник. Горькие думы прорезали лоб глубокими морщинами. Играют солнечные блики около зарешеченного оконца. В подвале полумрак.

Благородно мужественное лицо бетьяра. Оно по-рыцарски открыто. На высокий, бугристый лоб легли волнистые пряди волос. Нет ни следа приниженности, подавленности в этом образе. Человек не сломлен.

М. Мункачи. 1844—1900. ДЕВУШКА С ХВОРОСТОМ. 1873. Венгерская национальная галерея. Будапешт.

М. Мункачи. ФИГУРА РЕМЕСЛЕННИКА.

Венгерская национальная галерея. Будапешт.

Вера в правое дело побеждает в нем страх перед неизбежностью... Бетьяр глядит вдаль. Может быть, он видит сквозь толщу каменного мешка лесные чащи, широкие поля родной Венгрии, слышит голоса друзей.

Эта картина — ее чаще называют «Камера смертника» — глубоко трагична: ведь само бетьярство, этот бунт вольнолюбивых одиночек, было заранее обречено на провал. Ибо не хватало у них сил сражаться со всей грозной государственной машиной.

Могуч, сдержан колорит картины. Крепка красочная кладка. Предельно остры точные характеристики действующих лиц. Но это не просто удача молодого мастера. Его композиция — плод огромного труда. Десятки этюдов, эскизов, вариантов предшествовали созданию шедевра. Но главное, что явственно ощущается в каждой пяди живописи,— огромный жизненный опыт, легший в основу картины. Успех «Камеры смертника» был полный. Она экспонировалась в парижском салоне весною 1870 года. Известный французский критик Фосийон писал: «Реализм Мункачи может быть сравнен с реализмом Рибо и Курбе. По своим же чувствам он подобен русским реалистам...»

Крупный художник Лейбль говорил: «По моему скромному разумению, она («Камера смертника») — одна из лучших, если не лучшая во всем Салоне».

Это был триумф!

Казалось, перед Мункачи раскрывалась светлая дорога творчества, успеха, счастья. Но не все так просто в жизни художников. Мункачи проживет еще тридцать лет. Однако ему не было суждено создать ни одной картины, равной этой своей первой удаче.

Весной 1870 года в скромную мастерскую Мункачи в Дюссельдорфе прилетела первая ласточка из мира коммерции: крупнейший парижский торговец картинами Гупиль появился в невзрачном ателье художника чтобы максимально использовать успех «Камеры смертника». Он скупает все холсты, увиденные им в мастерской, и делает немедленно солидный заказ. Так с момента своего первого крупного успеха Михай Мункачи попадает в мягкие, но душные объятия негоциантов от искусства. Пока еще мастер сохраняет полную творческую независимость. Он сам выбирает сюжеты своих картин и пишет «Щипательницы корпии», полотно, посвященное борьбе за свободу родины. Переехав в начале 1872 года в Париж, художник не растворился в суетливой, блестящей круговерти столицы европейской живописи. Он упорно продолжает создавать картины из жизни родного венгерского народа.

«Теперь я начал большую картину,— пишет Мункачи в начале 1872 года.— Ее название — «Ночные бродяги», как рано утром, арестовав, их сопровождает патруль на глазах у торговок и прочей публики»... Работа над этой большой композицией полностью захватила живописца. Он говорил позже: «Я с радостью работаю над этим сюжетом, потому что он дает мне очень много материала для изучения характеров».

Стасов, увидевший «Ночных бродяг» на Венской художественной выставке, писал, что полотно великолепное «по естественности и простоте, по силе и мрачному душевному колориту». Он тут же назвал Мункачи одним из самых «неукротимых реалистов в Европе».

Это годы, полные молодого напора. Мункачи создает один жанровый холст за другим. Среди них и «Девушку с хворостом», написанную в 1873 году, после поездки в Барбизон. В небольшом полотне чувствуется влияние Милле, но все же живопись картины проникнута особой, чисто мункачевской энергией и темпераментом.

В 1874 году мастер работает над первым большим полотном из жизни парижской бедноты — «Ломбард»... Парижские будни. Контрасты роскоши и нищеты. Безысходный тупик каждодневной нужды.

Репин, живший в ту пору в Париже, увидев «Ночных бродяг» и «Ломбард», пишет Стасову: «Ах, еще вспомнил: Мункачи не колорист по Тургеневу!!! Да это самый колорист...» Репин недаром полемизирует с Тургеневым, который в то время был восхищен неким салонным «виртуозом» Харламовым.

Народная, суровая, страстная и сдержанная по колориту живопись Мункачи была дорога создателю «Бурлаков» и «Протодьякона», и Репин со свойственным ему бурным темпераментом отдает свое сердце венгерскому мастеру.

...Летели годы парижской жизни. Все более и более стирались образы родины в сознании Мункачи. Он писал жанры из жизни народа Венгрии, но это были скорее этнографические сцены, далекие от былых картин, потрясавших душу зрителя. Живописец обращается к истории и религиозным сюжетам, мучительно старается заполнить внутреннюю пустоту, рожденную отрывом от отчизны. Он создает полотно «Мильтон, диктующий дочерям «Потерянный рай». Образ слепого поэта трагичен, в нем отражена судьба самого художника, борющегося с роком и, несмотря ни на что, создающего прекрасное. Великолепен этюд к картине, в котором Мункачи предстает перед нами во всей мощи своего таланта.

Всемирная выставка в Париже. «Мильтон» имеет успех в официальных кругах. Рутинеры приветствуют «облагороженное отражение жизни». Им импонирует, что Мункачи отказался от своих тревожащих зрителя сюжетов и обрел «более беспристрастный и ясный взгляд на мир». Великолепное мастерство восхищало зрителя, но для внимательного и требовательного взгляда не мог пройти незамеченным уход живописца от проблемных полотен, от языка критического реализма. Крамской писал: «Мильтон» есть чарующая вещь, хотя идея картины довольно безразличная».

В жизни Мункачи происходят события, сыгравшие зловещую роль в его судьбе. «Мильтона» покупает известный парижский купец Зедельмейер, торгующий картинами, ставший на долгий срок злым гением художника. Он сковывает живописца кабальным договором на десять лет. Теперь уже коммерсант диктует мастеру темы. Он владеет целиком всей живописной продукцией Мункачи, возит творения мастера по Европе и Америке, зарабатывая огромные барыши. Ведь картины имеют шумный успех... Но друзья искусства Мункачи не могут не говорить горькую правду. Вот что писал русский скульптор Антокольский о картине «Христос перед Пилатом»: «По-моему, действительно, в этой картине было еще много достоинств, но я уже тогда видел, что он идет не по своей дороге и что если он так дальше пойдет, то непременно свихнется, главное потому, что в этой картине уже не было той искренности, единства и цельности, как в предыдущих его картинах. Но хуже всего, что он стал искать риторических фраз, фальшивых поз»...

Следующим шагом по созданию грандиозных постановочных полотен была «Голгофа», сам размер которой — 460 × 712 см — поражал. Но как проигрывал этот колоссальный холст перед скромными по размерам первыми картинами Мункачи.

Колесо судьбы художника продолжало свой путь. Он пишет «Умирающего Моцарта». Картина экспонировалась Зедельмейером в музыкальном сопровождении, но ни оркестр, ни пение — ничто не могло скрыть духовной пустоты и банальности произведения. Мункачи сам видел все это, но был бессилен переломить судьбу.

Зедельмейер, выжав все соки из Мункачи, цинично рвет с ним отношения. Шел 1888 год. Художник полон тревог и сомнений. Он ощущает невосполнимую утрату сил, времени и здоровья, потраченных на картины, далеко уведшие его от начала, которое было положено «Камерой смертника» и «Ночными бродягами».

Неужели ничтожный делец Зедельмейер был властен так трансформировать своеобычную и недюжинную натуру Мункачи, который едва ли охотно шел на изготовление этих заказных «зедельмейеровских» громадин?.. Все было не так-то просто. В 1874 году свершилось событие, которое сломало привычный образ жизни мастера-демократа, выходца из народа. Мункачи женился. Его супруга, богатая аристократка, была вдовой люксембургского барона де Марша — мецената, собирателя картин. Став женой художника, Цецилия Мункачи завела салон, который сделался одним из центров парижского света. Жизнь на широкую ногу. Роскошные приемы, изысканные ужины, блистательные концерты требовали денег и денег. Мункачи впрягается в хомут салонной «шикарной» живописи, бездушной и фальшивой. Компромисс состоялся. Бывший инаш Михай становится модным парижским художником. Слава его растет. Его студия превращается в фабрику живописи.

«Я все больше люблю одиночество»,— пишет Мункачи. За этой короткой фразой — трагедия всей жизни мастера. Чужой по духу дом. Властолюбивая баронесса с ее показной светскостью и ложной любовью к искусству. Перед художником во весь рост встает вопрос: как дальше жить? Продолжать писать салонные композиции, делать деньги или вновь вернуться к себе?

Все чаще перед ним возникают картины его детства. Мир крепких, мужественных, честных и простых людей. Он бежит от своих блистательных гостей, от пустой и тщеславной жены. Бродит по кварталам парижской бедноты, проводит вечера в нищих бистро, блуждает по вечерним паркам в Париже. Все это с новой силой будит в нем видения юности, поры нищей, но по-своему счастливой. В эти годы кризиса и раздумий еще одна беда подстерегла художника: коварный недуг — болезнь глаз, проявившаяся еще в момент писания «Мильтона». Он нервничал, порой не мог работать. Тосковал, мечтал вернуться на родину, метался в своей золотой клетке. И надо было обладать духовным здоровьем и гением Мункачи, чтобы невзирая на все эти обстоятельства оставить потомкам галерею великолепных портретов своих современников, серию дивных пейзажей, а главное, найти силы вернуться к своей главной теме — венгерский народ и родина...

В годы разрыва с Зедельмейером художник пишет полотно «После работы». Этот холст — демонстративное возвращение к излюбленной теме. Правда, здесь заметны издержки в живописи — след салонных работ. Но все же «После работы» — победа! Победа духа художника. Позже он напишет «Горюющего бетьяра», как бы возвращаясь к своему первоначальному сюжету. Мне довелось увидеть его в запаснике Венгерской национальной галереи. Но об этом позже... Мункачи много работает, и вот подлинным завершением творческой жизни художника, изложением кредо мастера критического реализма явилось его большое полотно «Забастовка», написанное в 1895 году. Этот холст — как бы завещание великого художника, итог жизни, в которой Мункачи перенес столько взлетов и разочарований. В картине можно найти и некоторую недописанность, зритель не увидит здесь прежней энергии почерка Мункачи: вероятно, сказалась болезнь глаз. Но в чем нельзя отказать «Забастовке», так это в ярости, открытости темперамента, с какими решена острейшая политическая тема. Мункачи бескомпромиссно сжигает все мосты, связывавшие его со светскими, салонными сюжетами. Язык холста скуп, прост, лишен какой-либо аффектации. Характеры действующих лиц выписаны выпукло. Это произведение отражает жестокие классовые бои, разгоревшиеся в ту пору в Венгрии. Особенно запоминается фигура агитатора, страстно призывающего народ к забастовке, к борьбе. Невольно вспоминаются огненные строки великого венгерского поэта Петефи, написанные в 1848 году, но увидевшие свет лишь в годы создания «Забастовки»:

Чело мужчины точно книга,
В которой все заботы мира
Записаны... Нужда и горесть
Мильонов жизней отразилась
На том челе, как на картине,
И, освещая ту картину,
Пылают два огромных глаза...

Так логически завершилась творческая судьба великого мастера. Он снова вернулся к себе, к своему народу. В конце жизни, во многом трагичной, исчезло все наносное, легковесное, пустое.

Естественно, что современная Мункачи буржуазная критика не могла ему простить «Забастовки». В прессе появились многочисленные статьи, утверждавшие, что тема-де, мол, случайна для художника, что Мункачи ошибся в выборе сюжета. Но Мункачи ответил твердо и непреклонно: «Эта картина доставила мне личное удовлетворение видеть в ней осуществленными мои художественные намерения».

Яснее не скажешь! А что же буржуазные критики с их сомнениями и разочарованиями? Тут можно сказать лишь одно: народная тенденция в искусстве, а особенно позиция реализма всегда вызывали необузданную злобу модернистов. Можно составить целое собрание, десятки,

сотни томов из передержек, лжи и клеветы, которую обрушивали и продолжают обрушивать эстетствующие «знатоки» на головы художников-реалистов, обвиняя их во всех смертных грехах. Пока Мункачи писал библейские сюжеты и салонные картины, он был угоден. Но стоило ему вернуться в лоно критического реализма и взяться за социальную острую тему, как его ошельмовали.

* * *

Будапешт. Национальная галерея. Кабинет директора доктора Габора Э. Поганя.

— Разговор о Мункачи,— говорит доктор Погань,— всегда очень актуален, остр и интересен. Всегда были сторонники и противники его замечательного искусства. Ведь широко известно, что работы Михая Мункачи в конце прошлого и в начале нашего века пользовались огромным успехом. Даже наши «дикие» живописцы выросли под влиянием его творчества. Таково очарование его мощной живописи, его удивительно яркого колорита, смелой и дерзкой формы. Кроме того, он ведь сделал большую карьеру. Это казалось многим прельстительным, и потому у нас иногда в шутку говорят, что как каждый солдат носит в своем ранце жезл маршала, так и каждый молодой художник носит в своем этюднике кисть Мункачи.

Конечно, модернисты XX века отвернулись от Мункачи. Они нападали на него, злобно критиковали его за реализм, за эпический жанр его картин, но широкий зритель его всегда почитал, невзирая на эстетствующую элиту, которая находила и находит искусство Мункачи устаревшим.

В 1952 году была широкая экспозиция — мемориальная выставка его работ. За восемь недель ее посетило 430 тысяч зрителей. Это был рекорд. Известный венгерский писатель Жигмонт Мориц, написавший книгу о юношестве Мункачи, рассказывает в конце своей повести, что для венгерского народа существует два великих образа: в поэзии — Петефи, в живописи — Мункачи. И это правда,— продолжал доктор Погань,— сколько бы ни вопили сегодня эстетствующие специалисты, мечтающие, чтобы искусство шло к другим, модернистским берегам. Еще один пример популярности творчества Мункачи: в городе Сегед с населением около двухсот тысяч была выставка, и ее за сравнительно короткий срок посетило тридцать пять тысяч человек. Может быть, кому-нибудь это покажется немудреной арифметикой, но, простите меня, это ведь арифметика движения человеческих душ. Потому что другие выставки в этом городе никогда не собирали больше десяти тысяч зрителей... Вот еще один эпизод, рассказывающий о влиянии искусства Михая Мункачи. К нам как-то приехали два директора музеев из США. Мы показали выставку наших молодых модернистов. Они взглянули на нее, а потом прошли в старое здание галереи и ознакомились с ее экспозицией. Мы спросили у них, что бы они хотели экспонировать у себя на родине из наших венгерских собраний. Они дружно ответили: «Мункачи!» Мне кажется, этот небольшой эпизод отражает процесс, который происходит сейчас в западном мире в области искусства. Думается, что там наконец произошел поворот к искусству фигуративному. И хотя он еще носит своеобразные формы с мудреными названиями, вроде «гиперреализм», но все-таки это направление требует уже бо́льшей школы, подготовки. Как бы ни противились апологеты модернизма, это все же поворот к реализму. Я однажды прочел, что в Америке проходила конференция торговцев живописью абстрактного толка, где они обсуждали вопросы кризиса абстрактного искусства. Ведь сегодня происходят интересные явления на рынке формалистической живописи, хотя в силу инерции ее еще продают по огромным ценам. Коммерсанты от живописи — прагматики, и если они, может быть, скрепя сердце договорились о сравнительном снижении цен на картины абстракционистского толка, то это уже есть, по существу, явление девальвации модернизма в живописи.

А теперь вернемся к Мункачи. Я понимаю ваше горячее желание увидеть его шедевры. К сожалению, почти все его работы сейчас в запаснике. Мы готовим новую экспозицию.

На мгновение я опешил.

Директор галереи улыбнулся.

— Мы покажем вам все...

И вот мы идем с доктором Поганем по залам галереи. Входим в помещение, где будет экспонироваться Мункачи. Пока залы пусты, здесь работают реставраторы. Проходим дальше. Мраморные плиты пола гулко отражают наши шаги. Наконец мы у запасника.

Гремят ключи. Скрипят большие двери. Доктор Габор Э. Погань приглашает меня в запасник Национальной галереи. Перед нами десятки картин Мункачи, расставленные вдоль огромных стеллажей для просмотра. Это целый мир. Мощный, прекрасный, волнующий. Мы останавливаемся около этюда к «Зевающему инашу». Доктор Погань говорит:

— Это сам художник. Ведь когда он был учеником столяра, ему редко давали выспаться. Впрочем, не только в этом полотне отражены художником воспоминания юности. Бетьяры, беглецы, рабочий люд, с которым боролась габсбургская администрация. Все прошло перед ним. Он работал за рубежом, но всегда помнил Венгрию, ее замечательный народ.

«Забастовка»... На нас словно обрушивается шум толпы. Мы будто слышим звонкий голос агитатора, призывающего народ к борьбе. Десятки характеров, интереснейшие типы давно ушедшей поры.

— Посмотрите, как почернели краски этой картины,— промолвил директор галереи.— Это ведь так называемый асфальт, некогда модная краска. Он погубил многие картины Мункачи. Ни один реставратор не берется восстановить цвет этих произведений. Мы как-то созвали лучших реставраторов Европы — из Ленинграда, Парижа, Лондона, и все они единодушно заявили: «Поздно! Этот процесс можно попытаться лишь приостановить, не более...» И вот картины гибнут. Это для нас большая трагедия. Сейчас со всех этих вещей мы делаем копии, дабы сохранить их для потомков. Впрочем, может быть, химики в ближайшие годы откроют средство для борьбы с потемнением асфальта.— Он вздохнул.

Перед нами знаменитые «Ночные бродяги».

— Ах, опять этот асфальт,— продолжает директор.— Взгляните, ведь весь пейзаж, дома, сама улица — все пропало. А от фигур жандармов видны одни штыки. Но зато какое чудо — оставшаяся живопись картины.

«Христос перед Пилатом».

— Вы знаете, что эту громадную картину купец Зедельмейер готовил для продажи парижскому кардиналу? Но он просчитался. Когда кардиналу показали холст, он произнес: «Это не сын божий, это не Христос, это русский анархист, который убил царя Александра Второго».

Мы продолжаем неспешно проходить от холста к холсту. Я, конечно, знал и предполагал, что наследие Мункачи огромно, но когда увидел собранные вместе все эти превосходные картины, великолепные портреты, изумительные, тончайшие пейзажи, то был потрясен.

Директор Погань промолвил:

— Мункачи очень любили великие русские мастера, и сам Мункачи высоко ценил Верещагина и Репина. Так что дружба венгерского и русского искусства имеет давние традиции. Вот и сейчас мы ведем переговоры с ленинградским Эрмитажем о длительном культурном обмене картинами. Мы предлагаем Эрмитажу два-три холста Мункачи, а они передадут нам соответственно две-три картины из своей коллекции. На тот же срок. Это было бы прекрасно!

Я думаю, правильнее оставить вас наедине с картинами,— улыбаясь, заключает Габор Э. Погань.— Надеюсь, они сами вам все расскажут...

И вот я один. Наедине с Мункачи.

«Портрет Ференца Листа»... Старый Лист. Седые волосы обрамляют львиную голову. Открытый высокий лоб. Мудрые, чуть усталые глаза. Волевой рот. Весь образ композитора пронизан мудростью и покоем. Он отдыхает. Рука чуть тронула клавиши фортепьяно, и композитор как бы прислушивается к таящему звуку... Холст сильно потемнел. Асфальт и тут сделал свое злое дело. Но все же в этом портрете с большой силой будто звучит сама музыка Листа, яркая, виртуозная. И это достигается не жестом, не форсированием колорита. Нет. Пластика портрета предельно строга. Взгляните на руки композитора, и вы уловите немедля ту волшебную силу искусства, которая заставляет ж и т ь изображение. Еще миг, и Лист сядет за фортепьяно, и зазвучит его гениальная музыка. Продленность состояния — вот секрет вечной жизни этого портрета. В холсте нашла отражение большая дружба, связывавшая композитора и художника. Это чувство любви озаряет полотно.

...Тишина. Гудит кондиционер. Прохладно. Ведь живопись Мункачи требует особого микроклимата. Злополучный асфальт плывет при высокой температуре. И поэтому здесь строгий режим: + 16 по Цельсию и влажность 50 процентов.

«Горюющий бетьяр». Художник накануне своего пятидесятилетия возвращается к любимой теме. На этом полотне Мункачи изображает бетьяра в корчме-чарде. Окруженный музыкантами бетьяр слушает свободолюбивые венгерские мелодии, он погрузился в глубокую думу. Может быть, перед его глазами проходят картины народного горя. Льются звуки бетьярских вольных песен... Мункачи сам был очень музыкален, блестяще исполнял народные венгерские мелодии. Трепещет свет огарка сальной свечи. Бродят мерцающие тени. Блики света выхватывают из мрака сверкающие пятна белого цвета. Это излюбленный прием мастера. Не сам ли это Мункачи грустит о безвозвратно ушедших днях молодости, о далекой родине?..

«Учитель из Кольпаха»... Настороженно, зло глядят на меня глаза этого взъерошенного, неприветливого человека. Губы его сжаты в нитку. Острые, скорбные морщины пролегли от крыльев носа к уголкам рта. Две глубокие складки сдвинули брови. Горбоносый, желчный, худой, пронзительно, испытующе смотрит на нас учитель. Вот-вот сорвутся с его уст жесткие слова правды. Но он молчит... Невозможно описать всю маэстрию этого холста, написанного с какой-то потрясающей яростью. Кажется, кисть сама, в каждом касании, каждым мазком а-ля прима рисует нам образ Человека во всем его многообразии, сложности и глубине. Мункачи были ведомы все тайны мастерства, и поэтому так динамичен и так трепетен сам красочный слой полотна, то пастозный на белом воротничке, то лессировочный в тенях, то живой и мерцающий в бликах света. Этот портрет восходит к вершинам мировой портретной живописи.

«Пыльная дорога»... Пу́ста — венгерская степь. Бескрайняя, широкая. В клубах пыли мчатся упряжки. Чудится глухой топот копыт, ржание коней. Вечереет. Гаснет розовая заря. Сизое марево затянуло одинокий хутор. Доносится скрип колодезного журавля, лай собак... Какая-то тихая грусть и тайная удаль, заложенные в пейзаже, создают двойственное, тревожное чувство. Колорит холста необычен для Мункачи. Он пепельно-розовый, с глухими ударами зеленого цвета. И в этой сложной, противоречивой колористической гамме — прелесть пейзажа.

Думается, что именно в пейзажах отчасти раскрывается нежная, чуткая душа Мункачи, открытая и чистая, глубоко переживавшая всю фальшь буржуазных будней. Художник отлично знал цену успеха своих салонных картин. Он попал в капкан великосветских обязанностей. Его затянуло беличье колесо парижской суеты, и он отдыхал, отдыхал на природе, вспоминая радость своих юных встреч с зарей, полями и рощами далекой родины...

Глубокая драма одного из крупнейших художников Европы XIX века была в его разлуке с отчизной, о которой он всегда вспоминал с любовью. «Вы можете быть убеждены,— говорил Мункачи,— что мною, как и прежде, ...будут руководить любовь к своей родине и вдохновляющая меня идея быть, хотя и за границей, как можно более достойным и ревностным поборником нашего национального искусства».

Сегодня мы воспринимаем Мункачи как одного из великанов реалистического искусства XIX века, на знамени которого в лучших его созданиях стояли слова: «Правда, и только правда...»

Голос Мункачи, великого живописца, будет звучать в веках. Его имя, как и имя Петефи,— гордость народной Венгрии...

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

С интересом прочел опубликованный в № 16 очерк «Жена». Меня заинтересовала ваша рубрика «Красота человеческая». Вы пишете, что под этой рубрикой будете публиковать материалы о формировании у людей высоких нравственных качеств в трудовых коллективах. Но если вы ограничитесь рассказом о трудовых коллективах, то это будет неправильно. Ведь формирование нового человека начинается в семье, школе. И было бы очень важно рассказать, как школа влияет на трудовое и нравственное воспитание детей, юношей, девушек. А мне кажется, что здесь она далеко не всегда бывает на высоте. Многие педагоги считают, что их дело учить математике, физике, дать хорошие знания. Но этого сейчас мало. А как с воспитанием? Как прививается любовь к труду?

Н. НОВИКОВ

Минск.

интервью «огонька»

Президент Академии педагогических наук В. Н. СТОЛЕТОВ

Корреспондент «Огонька» Л. Леров попросил президента Академии педагогических наук СССР академика АПН В. Н. Столетова прокомментировать это письмо.

— Что вы скажете по поводу вопросов, поставленных нашим читателем?

— Однозначного ответа тут быть не может. В жизни обстоятельства складываются иногда таким образом, что формирование лучших качеств советского человека начинается в возрасте далеко не детском — на заводе, стройке, в научном коллективе. И еще: бывают в истории общества рубежи, на которых особо остро, зримо проявляются до тех пор не дававшие о себе знать черты Гражданина, Патриота,— вспомним Великую Отечественную войну. И тем не менее вопрос читателем поставлен верно. Как правило, черты характера начинают складываться в процессе общения ребенка с родителями, родственниками, а затем в школе — со сверстниками и учителями. Исследования психологии детей — этим занимается ряд наших институтов — говорят о том, что самые первые, а потому и самые сильные представления о том, что есть хорошо и что плохо, ребенок получает в кругу семьи. Она — главный родник, питающий душу маленького человека мудростью жизни. Общение со взрослым вообще играет огромную роль в его становлении. Психологи с полным основанием полагают, что социальное поведение индивидуума во многом предопределяется характером первой его привязанности к родителям в ребячью пору.

Автор письма, по-видимому, сам того не желая, противопоставил обучение воспитанию. Он склонен полагать, что некоторые наши педагоги, увлекшись обучением, не уделяют должного внимания воспитанию. Это верно лишь отчасти. Ведь дети и в процессе обучения, если оно хорошо поставлено, воспитываются. Конечно, урок физики, на котором учитель ограничится лишь тем, что добросовестно изложит ту или иную совокупность фактов и законов, не оставит глубокого следа. Иной эффект, когда педагог покажет, как, скажем, овладение физическими явлениями меняло процесс производства, как развитие теоретической и экспериментальной физики делало этот процесс более прогрессивным, интересным. А когда учитель, выйдя за рамки учебника, открывает школьникам чудесный мир окружающей природы, рассказывает о жизни корифеев науки, о бесстрашии, скажем, Джордано Бруно или Коперника,— разве это не воспитывает ребят?

И все же я поддерживаю автора письма: школьное воспитание играет и самостоятельную роль. И роль эта в наши дни все более возрастает.

— В одной из своих статей вы писали, что «любовь к общественно полезному труду на благо общества, разумный сплав физического и умственного труда — одна из основ воспитания высокой нравственности человека». Что бы вы хотели в связи с этим сказать о роли школы? Каким должно быть, на ваш взгляд, соотношение двух компонентов педагогического процесса — обучения и воспитания?

— Когда заходила речь о школе, Владимир Ильич Ленин, излагая свои мысли, пользовался тремя терминами: учение, воспитание, образование. Своеобразный педагогический треугольник. И надо признать, что мы, педагоги — практики и ученые, еще далеко не полностью постигли всю глубину этой ленинской триады.

В современных условиях, пожалуй, определяющей стороной «педагогического треугольника» становится воспитание, становление Личности, Личности с активной жизненной позицией, с сознательным отношением к общественному долгу, Личности, творчески мыслящей и инициативной, наделенной чертами коммунистической нравственности.

Обучить, сделать человека образованным очень важно и очень трудно. Но еще труднее сформировать всесторонне и гармонично развитую Личность, воспитать будущего Гражданина нашего Отечества. Глубоко прав был педагог-мыслитель В. Сухомлинский, когда писал: «Плохой воспитатель никогда не будет хорошим учителем». Сошлюсь и на соображения педагога-практика, директора одной из средних школ Челябинска, В. Краковского. Он считает, что учителя неплохо вооружены всем тем, что требуется для обучения основам наук. Но мы слабо вооружены тем, что требуется для воспитания школьников. Подобный разрыв опасен.

Плохое воспитание может зачеркнуть всю нашу учебную работу. Мне думается, что у педагогов есть основания для таких тревожных раздумий. Кому из них не приходилось с горечью душевной наблюдать среди своих учеников юношу или девушку, отлично усвоивших в школе основы наук, но выходивших из ее стен людьми безнравственными, инфантильными в идейно-политическом отношении.

В обучении ведущая роль, бесспорно, принадлежит школе. А в воспитании? Да, на молодежь воздействуют семья, книги, радио, телевидение, театр, кино, двор, улица, среда, моды... И тем не менее педагог не имеет права уклониться от своей особой ответственности за нравственный облик, за душевные качества питомца. В. Краковский, выступая на сессии нашей академии, поставил вопрос так: уровень воздействия школы на ученика надо поднять настолько, чтобы она и в воспитании заняла ведущую роль. Три миллиона учителей, ежедневно с глазу на глаз разговаривающих с десятками миллионов учеников,— это могучая сила в сложном процессе становления Человека социалистического общества. И здесь есть главный компонент: уже в раннем возрасте дети должны проникнуться сознанием обязательности общественно полезного труда.

Я принадлежу к поколению, которое училось в пору, когда образование в объеме средней школы освобождало молодого человека от физического труда. Среднее образование получало лишь 10—15 процентов юношей и девушек одного года рождения, которые затем шли в вуз, в управленческий аппарат, занимались чем угодно, но только не физическим трудом. Считалось, что аттестат зрелости исключает физический труд. При жизни одного поколения положение изменилось коренным образом. В СССР в основном уже завершился переход ко всеобщему среднему образованию молодежи. Это величайшее

завоевание советского народа. У нас впервые в мире фактически, на деле обеспечено социальное равенство всех людей в получении такого образования. Но это коренным образом меняет и социальное назначение образования.

В социалистическом обществе школа создает все условия для того, чтобы проявились способности каждого индивидуума, его одаренность в той или иной области. Но одно из важнейших условий такого гармоничного развития — готовность молодых людей посвятить себя и физическому и умственному труду. Конечно, это не единственное условие. И вряд ли нужно напоминать о том, что первостепенное значение имеет овладение основами фундаментальных наук (математики, физики, химии, биологии, истории, обществоведения), а равно этики и эстетики (литература, музыка, изобразительное искусство).

— Как вы относитесь к позиции тех учителей, которые стоят за раннюю специализацию в школе?

— В своем большинстве советские педагоги выступают против ранней специализации. Она таит в себе опасность гибели молодых талантов, повышает вероятность увеличения числа ошибок в профессиональной ориентации.

Подростка с ранних лет заспециализировали, скажем, в области физики, а у него в потенции более сильное влечение к биологии. Может случиться так, что он не станет ни хорошим физиком, ни хорошим биологом. Ранняя специализация, возможно, будет толкать школьника на путь теоретического мышления, а у него большие, пока еще скрытые, способности в сфере технического мышления.

Осуществив переход ко всеобщему среднему образованию, наша страна завершила создание стройной школьной системы, рассчитанной на всестороннее развитие всех способностей и дарований молодого поколения. Окончив восьмилетнюю школу, молодые люди имеют возможность пойти в девятый класс общеобразовательной школы, в среднее профессионально-техническое училище, в среднее специальное учебное заведение (техникум), наконец, в профессиональное училище, которое дает профессию, но не дает среднего образования: окончив такое училище, молодые люди идут на производство, не теряя возможности получить среднее общее образование в вечерней (сменной) школе. И все эти четыре модификации единой, трудовой, политехнической школы дают равные права и возможности выбрать угодную тебе дорогу в будущее, включая и вуз. Такова четко сложившаяся ныне советская система среднего образования. Думается, что в ближайшие десятилетия здесь не потребуются какие-либо серьезные дополнения и перестройки.

Между тем попытки внести такие дополнения нет-нет да и дают о себе знать. Временами в печати заходит речь о введении экстерната. Его сторонники сами убеждены и убеждают других, что он позволяет на ранних стадиях выявлять учеников с выдающимися способностями и убыстрять их интеллектуальный рост: пусть-де одаренные заканчивают среднюю школу не в 17, а, скажем, в 12—14 лет. Такие случаи бывают. В некоторые университеты зачисляли и будут зачислять, скажем, пятнадцатилетних. Но это единичные случаи, и далеко не всегда эти рано поступившие в вуз молодые люди оправдывают возлагаемые на них надежды. Это редкие исключения из правила. А правило остается все то же: школа, давая знание основ главных фундаментальных наук, этики, эстетики, призвана выполнять комплексную программу воспитания — идейно-политического, трудового, нравственного,— воспитания гармонично развитой Личности.

— Что, по-вашему, в первую очередь стимулирует, ускоряет нравственный, социальный рост молодых людей?

— Трудолюбие, любовь к труду. Не могу не напомнить пожелание, высказанное Л. И. Брежневым в речи на XVII съезде ВЛКСМ: «Только те родители делают по-настоящему доброе дело, которые воспитывают трудовые навыки у детей с самого раннего возраста».

В свое время учитель учителей К. Д. Ушинский поставил вопрос так: какова лучшая форма наследства, оставляемого родителями своим детям? Может быть, деньги и вещи? Нет, решительно отвечал он. Деньги развращают наследников, порождают у них безнравственность, губят умственные способности. Может быть, образование? И Ушинский отвечал: да — если образование воспитывает трудолюбие, нет — если оно не воспитывает его. Безграничная любовь ребенка, школьника к труду — вот что в конечном счете определяет и глубину образования и меру высокой нравственности будущего гражданина. Конечно, не всегда это бывает так. Тут опасен формальный критерий: юноша любит труд — значит, можно быть спокойным за его духовный рост, нравственный облик. Увы, не всегда. Думается, следует более углубленно рассматривать проблемы сочетания, взаимообеспечения трудового и нравственного воспитания. Одно должно дополнять другое. Ибо иной весьма трудолюбивый юноша, по-настоящему полюбивший труд и умеющий хорошо трудиться, порой оказывается черствым, архииндивидуалистом, плохим товарищем, аполитичным человеком. Об этом нужно помнить. И, когда речь идет о воспитании школьника, надо иметь в виду комплекс — идейно-политическое, трудовое и нравственное воспитание. Посеву семян любви к труду обязательно должен сопутствовать посев семян гуманизма, дружбы, товарищества, коллективизма, любви к родителям, к Родине...

Все родители желают своим детям счастливого детства, но иные среди них допускают величайшую ошибку, когда полагают, что счастливое детство — это безделье, сплошные развлечения, модная одежда, упитанные мальчики и девочки, освобожденные от труда и забот. Педагогам хорошо известно, как такое на первый взгляд «счастливое детство», безоблачное и беззаботное, порой имеет своим результатом безнравственную, бесцельную, духовно нищую жизнь.

Ошибки, допускаемые здесь семьей, иногда трудно поддаются исправлению в школе. И еще хочется напомнить папам и мамам: ребенок с младенчества «берет уроки» у взрослых. А уж по части трудолюбия он их слепо копирует. Это одна сторона ребячьего характера. Но есть и другая. Стремления, вкусы ребенка, подростка и даже юноши бывают весьма противоречивыми: с одной стороны, он хочет выполнять серьезную и полезную работу, а с другой — его влечет игра. Вот тут-то и надо искать заветный ключ к успеху в трудовом воспитании.

— Что вы можете сказать о ныне действующих программах такого воспитания — и в детском саду и в школе?

— Для детских садов программа разработана Институтом дошкольного воспитания академии. Мне кажется, что она удачна. Все более усложняющееся содержание игр, строительные материалы, позволяющие детям по мере их роста осваивать все более сложные сооружения, лепка, рисование, конструирование, цикл хозяйственных и бытовых работ начиная с четырех лет (сервировать стол, убирать после еды посуду, сметать снег на дорожках). А шестилетние уже принимают участие в пересадке растений из открытого грунта в уголок природы, в перекопке гряд, клумб, в изготовлении и развешивании кормушек для птиц.

Есть такие же программы и для каждого класса школы. Но, к сожалению, здесь порой нарушается преемственность: первокласснику предлагают делать то, чем он занимался года два назад в детском саду. Программа второго класса мало чем отличается от программы первого класса.

Но составить программу, даже хорошую,— это полдела. Да и нельзя считать ее догмой. Мы должны развивать у ребят любовь к труду не абстрактному, а общественно полезному. Педагог порой забывает об этом. Бывает так: школьник смастерил коробочку и получил за эту работу пятерку. А потом на его глазах коробочку выбрасывают на свалку. Вот и укрепляется в сознании школьника взгляд на труд как на дело несерьезное. До чего же это непедагогично!

Дел, которыми можно занять ребят, развивая в них трудолюбие, предостаточно. Но вот беда — не каждое дело им по душе. Одни любят возиться с картоном и клеем, другие — с деревом и пилкой, а третьи — копаться в радиодеталях. Иные педагоги идут по пути унификации таких занятий, не учитывая индивидуальные склонности. А потом диву даются: откуда у мальчика или девочки такое отвращение к труду?

Имеется много разных дел, которыми можно занять школьников, вызвать у них интерес к труду. Бытует ошибочное представление, будто только на селе есть достаточно много таких дел, а в городе их маловато. Неверно это! Нужно внимательнее оглянуться вокруг. На сессии академии я как-то приводил такой пример. В Москве на Ленинских горах стоит Дворец пионеров, располагающий большим участком земли. Значительная его часть поросла бурьяном и кустарником. Запустение и бурьян характерны для многих пришкольных участков. Разве это не поле трудовой деятельности ребят? Академик Н. В. Цицин говорил мне, что в Ботаническом саду имеются огромные коллекции прекрасных цветов. Разве это не сфера приложения сил для городских школьников?

Мы горячо призываем детей охранять природу. Но эти призывы не дадут эффекта, пока каждый ребенок своими руками не посадит дерево, цветок. Посадивший дерево никогда не поломает его. А какой простор для воспитания личности открывают благородные дела, связанные с охраной природы! К тому же все это имеет прямое отношение к изучению биологии, физики, химии...

Я уже говорил, что у нас есть программы трудового воспитания для разных классов. Но здесь опасны стандарты, шоры на глазах, здесь очень нужны инициатива, находчивость, широкий педагогический кругозор, умение найти такое практическое дело для ребят, которое теснейшим образом было бы связано с познанием основ наук, которое способствовало бы кооперированию деятельности мозга и рук. Я иногда слышу такие призывы: педагоги должны внедрять в сознание школьника формулы: «Труд есть обязанность», «Без труда невозможно стать полноценным человеком». Но ведь это то же, что, скажем, призывать есть, одеваться. Вряд ли одни такие призывы вызовут у молодых людей неугасимую любовь к труду. Не нравоучения, а все бытие школы, любая деталь урока повседневно, систематически должны вызывать у школьника эту любовь.

В свое время я был ректором Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева и иногда спрашивал абитуриентов: «Что вы знаете о хлебе?» Выяснялось, что здесь познания окончивших городские школы порой не выходили за пределы пекарни. И я с грустью думал о педагогах этих ребят. Сколько было упущено возможностей связать обучение — скажем, химии, биологии — с практической работой, в ходе которой молодежь обогатилась бы элементарными знаниями самого жизненного: что есть хлеб? Мыслящие педагоги никогда таких возможностей не упускают. Вот эпизод, описанный В. Сухомлинским в книге «Сердце отдаю детям»: «Мы пообедали в школьной столовой, помыли посуду... Подождите, дети, не выходите из столовой, посидим еще полчаса за столами. Подумаем, откуда взялись вещи, которыми мы сегодня пользовались?.. Откуда же взялись вещи, без которых мы не могли бы жить?» Учитель рассказывал малышам о роли труда в жизни человека и открывал им важную истину: для того, чтобы на столе появились желанный хлеб, обед, необходим труд многих и многих людей. Память ребят легко запечатлевала азбучные начала политической экономии.

Часто приходится слышать слова, ставшие застывшей формулой: советская школа готовит молодое поколение к трудовой деятельности. Думается, что это не совсем точно. Сама наша школа должна стать формой трудовой деятельности молодого поколения, формой сочетания умственного и физического труда. Лучшими школами накоплен тут большой опыт, на который можно опереться. В последние годы по инициативе партийных и советских органов в Москве, Ленинграде, на Украине возникли районные и межрайонные школьные комбинаты, учебные цехи при фабриках и заводах, лагеря труда и отдыха школьников, ученические лесничества, учебно-производственные бригады в колхозах и совхозах. В школе № 16 города Жигулевска, Куйбышевской области, в школьных мастерских — это, по существу, ребячий завод — организовано

производство оборудования для лингафонных кабинетов. Учащиеся пятых — десятых классов работают на хозрасчете. Дело не только в том, что они приучаются к труду и практически знакомятся с различными современными профессиями. Работа организована таким образом, что качество труда старшеклассников зависит от того, как будут трудиться младшие классы. Так укрепляется дух коллективизма, товарищества, совестливость, чувство ответственности за порученное дело.

В селе Шумячи, Смоленской области, есть школа, где педагоги очень умело направляют духовные интересы ребят, где производительный труд молодежи, основанный на новейших достижениях науки, теснейшим образом связан с ее нравственным воспитанием. У ребят появляется чувство рабочей чести: «Наша ученическая производственная бригада получила урожай более высокий, чем средний урожай в колхозе».

На Уральском новотрубном заводе, в Москве на ЗИЛе в учебных цехах занятия со школьниками проводят квалифицированные мастера с высшим или специальным средним образованием. Надо ли говорить, как это влияет и на трудовое и на нравственное воспитание юношей и девушек. В городе Тольятти 860 девятиклассников проходят производственную практику на главном конвейере ВАЗа. В школах Донецкой области получил широкое распространение факультативный курс «Основы НОТ» — научной организации труда. Интерес к этому курсу большой.

— Научно-техническая революция поставила перед школой целый комплекс сложных проблем, в том числе и проблему новых методов обучения, с учетом все возрастающего объема информации. Какие здесь ведутся поиски, насколько они результативны?

— Поиск ведется широким фронтом. Есть тут свои разведчики еще не проторенных дорог. В. Шаталов из Донецка совершенствует преподавание физики, математики, астрономии, геометрии; П. Сидоренко, директор школы № 7 в Нальчике, смело ищет пути органического соединения обучения и воспитания. Интересны поиски И. Волкова, учителя рисования и черчения из подмосковного Реутова; исследования психологов, позволяющие сократить время на обучение чтению: создан принципиально новый букварь. Резервы здесь неисчерпаемы.

Некоторые педагоги не без успеха готовят ученика к тому, чтобы какие-то знания он получал самостоятельно. Они справедливо исходят из того, что основная цель обучения — развить у школьника способность к самообразованию и самостоятельному мышлению. Тогда у него появится желание непрерывно пополнять свои знания. Предлагают во время контрольных работ разрешать пользоваться различного рода справочниками и даже учебниками. Кое-кто встречает такое предложение в штыки. Мне думается, что здесь сказывается сила инерции, приверженности к старым взглядам на класс как на тренажер памяти: ученик на память должен знать даты, формулы, цитаты... Во всяком случае, эксперименты сторонников развития большей самостоятельности школьников весьма перспективны. Многое в этом направлении делают институты Академии педагогических наук.

Советская школа завершает переход на новые учебные программы. Проведенная сравнительно недавно проверка показала, что в общем-то переход на новую программу дал положительные результаты. Особенно в начальной школе, где программа подверглась принципиальным изменениям. Но выявились и просчеты: известная усложненность, перегруженность некоторых разделов излишними деталями, которые без ущерба для уровня образования могли быть исключены или перенесены на факультативные занятия.

— Как вы относитесь к таким занятиям?

— Думается, что если мы хотим добиться снижения перегрузки школьников, надо смелее использовать эту форму. Факультативы не только ограждают от перегрузок, они открывают большие возможности для трудового воспитания, профориентации, выявления разнообразных интересов юношей и девушек.

— В печати, в том числе и в зарубежной, дискутируются такие вопросы: перспективна ли школьная форма обучения, и в частности такая форма, как урок? Предлагают, например, использовать опыт высшей школы для перестройки работы старших классов. Вы многие годы руководили системой высшего образования в стране и как крупный ученый можете практически сравнить возможности школьной и вузовской педагогики. Какова, на ваш взгляд, суть этих дискуссий?

— Мы считаем, что определенную часть знаний в девятом, десятом классе можно преподавать и в форме лекций, сопровождая их практическими семинарами. Как в вузе. Ведь семинарское занятие — это тоже своеобразный урок, на котором активность требуется от каждого. А лекции, особенно при факультативах, помогают повышать производительность труда и учителя и школьника. Я, конечно, имею в виду хорошие лекции, а не такие, когда учитель пересказывает написанное в учебнике. Здесь уже есть опыт, и удачный, в частности физико-математические школы при университетах.

Проводятся такие эксперименты и на Западе. Но там некоторые социологи предлагают вообще ликвидировать школы. Считают, что они скоро отомрут, поскольку ограничивают свободу учеников заниматься делом нужным и полезным, с их точки зрения. Думаю, что такая позиция не выдерживает критики. Нетрудно разгадать и ее социальную подоплеку: боязнь перепроизводства хорошо образованных людей.

— Вы подчеркивали единство всех трех сторон «педагогического треугольника». Каково в связи с этим главное направление деятельности Академии педагогических наук СССР?

— Оно определяется положениями, высказанными Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в докладе на XXV съезде партии: дальнейшее совершенствование всей общеобразовательной системы, и в первую очередь средней школы.

Мы в основном решили проблемы, связанные с содержанием обучения. Теперь нужно совершенствовать это содержание и приводить в соответствие с ним методы обучения. Надо ликвидировать существующий еще разрыв между знанием фактов и их осмыслением, умением практически применять обретенные знания, пользоваться ими в жизни, на производстве, в труде, творчестве. Нужно ликвидировать еще существующий разрыв между обучением и воспитанием, решить одну из сложнейших проблем: органическое сочетание умственного и физического труда в учебно-воспитательном процессе.

Нас ждет большая работа по совершенствованию всей общеобразовательной системы. Но нельзя забывать предупреждение Л. И. Брежнева: работа эта должна быть осмотрительной, вдумчивой, без ненужной ломки или поспешных решений. Ибо речь идет об огромной, многонациональной стране, где впервые в мировой истории Октябрь открыл доступ к знаниям всем, где среднее образование стало всеобщим, где школа дает не только знания, но и формирует гражданина социалистического Отечества.

НЕМЕРКНУЩИЕ АВТОГРАФЫ

Сорок лет назад родились интербригады, первые в мире воинские соединения, созданные для борьбы с мировым фашизмом, нацелившим тогда свой звериный бросок на демократические силы Испании.

В этих бригадах люди разных национальностей и политических убеждений, дети 54 стран сплотились для отпора мрачнейшей реакции. Организаторами интербригад, этих доселе беспримерных в истории братств по оружию, были коммунисты.

О сражениях в Испании рассказывают недавно вышедшие в свет две книжки: сборник «Мы — интернационалисты» и книга Г. Семенова «Пароль — «Испания». В них говорится о героической борьбе людей, по зову сердца и совести отправившихся в далекую страну, чтобы помочь сражающемуся народу.

В сборник «Мы — интернационалисты» вошли воспоминания советских добровольцев — участников национально - революционной войны в Испании. Бойцы различных родов войск, военные советники, переводчики возвращаются к далеким уже годам и создают на страницах книги живую, волнующую картину интернационального братства, скрепленного кровью. «...Интернационалистов, волонтеров свободы — людей разных профессий, политических взглядов, религиозных верований и национальных особенностей... объединяло одно общечеловеческое и гуманное чувство — жгучая ненависть к фашизму, махровой империалистической реакции. Это были воистину лучшие люди земли, как их называли испанцы. Я счастлив, что мне оказали высокое доверие быть их наставником по военным вопросам в одном из соединений и одновременно дали возможность сражаться вместе с ними за свободу испанского народа», — пишет генерал армии П. И. Батов.

Интересно рассказано в обеих книгах о патриотах-испанцах, от рядовых рабочих и крестьян, взявшихся за оружие, до руководителей Испанской компартии. Нельзя без волнения читать о приезде в окопы к бойцам пламенной Пасионарии — Долорес Ибаррури, страстно призывавшей воинов бороться за жизнь республиканской Испании.

Книге Г. Семенова «Пароль — «Испания» предшествовали большой историко-литературный поиск, переписка, встречи с разными людьми. Написанная живо и образно, работа Семенова рассказывает о воинах-летчиках, передает атмосферу, в которой жили на испанской земле и сражались в небе Испании наши асы.

Хочется вспомнить строки украинского поэта Бориса Олейника из опубликованного в «Правде» стихотворения «Пишу в анкету века»: «От имени святых отцовских ран, от имени могилы безымянной в лицо тебе я брошу клич багряный, короткий, как удар: «No pasaran!»

Эти слова близки героям рецензируемых книг — героям, которые много-много лет назад оставили немеркнущие автографы в «анкете века».

О. МОИСЕЕВ

Мы — интернационалисты. Издательство политической литературы. М., 1975, 288 стр.

Г. К. Семенов. Пароль — «Испания». Изд-во «Прапор», Харьков, 1976, 336 стр.

ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОГО ТАЛАНТА

Исполняется 80 лет со дня рождения Федора Ивановича Панферова. Широко известны читателям нашей страны и за рубежом его книги: роман «Бруски», трилогия «Волга-матушка река» (романы «Удар», «Раздумье», «Во имя молодого») и другие. Около тридцати лет был Ф. И. Панферов редактором журнала «Октябрь».

Мы печатаем подготовленные А. Коптяевой ранее не публиковавшиеся и малоизвестные строки Федора Панферова, а также воспоминания о нем, написанные поэтом Алексеем Марковым.

Антонина **КОПТЯЕВА**

ЖИВОЕ СЛОВО ПАНФЕРОВА

Федора Панферова всегда волновали проблемы современности. Да и могло ли быть иначе, если он не мыслил себя в отрыве от народа, от прошлого и настоящего нашей страны.

Вот он делал наброски для статьи в 1957 году:

«Я знал эти места лет сорок тому назад. Нет, пожалуй, больше — лет пятьдесят. Я еще помню тропы в крутых гористых берегах Жигулей, протоптанные теми, кто в поисках куска хлеба бродил вниз или вверх по Волге-матушке реке... И всюду, через каждые пять или десять верст, торчали церквушки, часовенки, красовались богатейшие монастыри...

...И брела Русь по этим тропам, таща на спине своей нужду, горе непросветное и тяжесть подневольного труда».

Панферов не только отлично знал родное ему Поволжье, но сам, кудрявый и звонкоголосый, задорный, испытал с детства нужду и тяжесть подневольного труда, бывшего до революции настоящим проклятием для народа. Поэтому он так радовался нашим достижениям, великим преобразованиям, свершенным в Советском Союзе.

«Труд у нас,— говорил он в своем обращении к ударникам коммунистического труда,— не только превратился в радость, но и стал творческим трудом широких масс: вот в этом и заложена основа основ могущества нашей страны, это сдружило многонациональные народы великого Советского Союза, это за короткие годы «арбузные» и «огуречные» города Поволжья превратило в индустриальные центры, поставило богатство недр на служение обществу, удесятерило силы Седого Урала, превратило Сибирь каторжную в живую Сибирь, запустило спутника Земли, ракеты в сторону Луны, не говоря уже о корабле, который ныне плавает в надземных просторах и возвещает всему миру, что когда-то нищая, убогая, неграмотная Русь превратилась в страну передовой науки».

Сколько чувства гордости за родную страну! Но эта гордость всегда и прежде всего вызывала у Федора Панферова чувство огромной ответственности, поэтому он и на свою работу редактора журнала «Октябрь» смотрел как на боевой пост.

Выражая постоянную заботу о воспитании литературных кадров, Панферов писал:

«Писателю и поэту надо помогать в его творчестве, но не навязывать ему своих утверждений... Молодых писателей надо не «вербовать», а тщательно, бережно работать над их произведениями, отбирать таланты, помогать им отыскивать свои литературные жилы, учить их на примерах классиков работать за столом, изучать действительность, болеть за судьбы народа и не спешить с опубликованием произведений, а стремиться доводить их до совершенства».

Заботой о молодых литераторах проникнуто и одно из последних писем Панферова из больницы членам редколлегии «Октября», о котором нельзя не вспомнить:

«Дорогие друзья! Недавно, во время моей поездки по Северному Кавказу, меня прихватила болезнь, и потому невольно пришлось задержаться в санатории «Ласточка», расположенном почти на макушке Машука, когда-то так прекрасно воспетого Лермонтовым. Ну, вы великолепно знаете, что когда попадаешь в места, где побывали наши великие предшественники, воспев их, то так хочется порадоваться той красоте, какой радовались они.

Здесь мне страшно хотелось посмотреть на Кавказский хребет, но изо дня в день висели туманы, закрывая не только далекий Кавказский хребет, но и Пятигорск, расположенный у подножия Машука.

И вот однажды меня в рань утра разбудила нянюшка: «Федор Иванович, вставайте: красота какая!»

Я вышел на балкон и был буквально поражен величием Кавказского хребта. Справа упирался в небо раздвоенной вершиной гордый Эльбрус, слева, далеко, не менее гордо высился Казбек. А около них, рядом с ними, скрепляя их и как бы поддерживая плечами, виднелись большие и малые, покрытые вечными снегами горы. Все это было залито сверкающим солнцем и звало к себе. У меня невольно мелькнула мысль: «Вот такую литературу, как этот сверкающий на солнце величавый Кавказский хребет, заложили мы, советские писатели и завершат ее наши потомки». Но ведь красота Кавказского хребта состоит не только из Эльбруса и Казбека. Попробуйте мысленно убрать от Казбека и Эльбруса все остальные горы и горки, и тогда вы увидите как нарушится, уничтожится все величие Кавказского хребта.

...Вот почему я считаю (может, ошибаюсь), что вредно для роста советской литературы выявлять только Эльбрусы и Казбеки. По Эльбрусам и Казбекам, правда, равняются, однако помните, что новая литературная жила всегда разрабатывалась широким потоком писателей, тем более закономерно, что и новая советская литературная жила разрабатывается широченным писательским потоком. Поэтому мы обязаны беречь таланты, обязаны по-дружески относиться, предъявлять требовательность к любому, даже не очень талантливому литератору. Помогать ему в творчестве теплым, разумным словом, а не разносить его, да еще исходя из личной неприязни...»

Как живо звучит сегодня голос Панферова! Что же, человеку большого таланта была дана способность зорко смотреть вперед, и он осуществлял ее на боевом посту одного из впередсмотрящих на «корабле советской литературы».

ГО ТАЛАНТА

Алексей МАРКОВ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Бывает так: пока жив отец, дети не чувствуют, что он для них значит. Они настолько привыкают к тому, что в доме никакой нужды: есть и ласка и одежка — жизнь иначе и не мыслится. И только с его уходом становится ясно, насколько отец был необходим каждому. Особенно это ощущают младшие, неокрепшие, которым подчас некуда пойти со своими радостями и горестями.

Федор Иванович был тем отцом-редактором, мимо которого не прошла почти ни одна литературная судьба. Он всегда был откровенным, бесхитростным и мнения своего не навязывал. В его советах неизменно фигурировало: «Мне кажется», «Мне думается», «Я бы посоветовал»... Расскажет, растолкует, вспомнит аналогичные случаи из собственной биографии, и автор, как на кислородных подушках, начинает дышать полными легкими.

Помню, о каких-то моих стихах он сказал:

— Что-то тут слишком приглажено. Ты такой угловатый, такой «врубелистый»...

Пришлось показать ему первую редакцию. Он грустно улыбнулся синими-синими глазами и спросил меня:

— Ты знаешь, как крысы любят своих крысят?

Я задумался, хоть и видывал их, сам из деревни.

— Так вот, лежат перед ней несколько штук, и она каждого лижет, лижет, ласкает и долижется до того, что на каком-нибудь появляется кровь. И тогда она его «Гам!»... И продолжает другого прилизывать... Так и некоторые писатели, конечно, не без посторонней помощи, до того причешут свое произведение, что покажется кровь...

Мое знакомство с Федором Ивановичем началось примерно с сорок девятого года. С тех пор я всегда за своей спиной чувствовал поддержку сильную, надежную и никогда не был одинок. Я знал, что в любой момент могу постучаться в дверь к Федору Ивановичу.

Это было осенью. Погода стояла несуразная, плаксивая, насморочная, шел не то снег, не то дождь. Я, тогда еще студент Литературного института, был одет во что-то слишком жалкое, тощее. В приемной «Октября» народу было много, все с какими-то папками. Более солидные — с портфелями — не сидели, а прямо проходили в кабинет. Я устроился поближе к гуртку периферийных литераторов и писательских вдов. Ждал долго, но в приемной было тепло, уютно и, главное, пахло большой литературой. Время не замечалось. Вдруг открывается дверь кабинета и выходит человек, по виду напоминающий председателя колхоза, в белой, с широкими рукавами, рубахе, высоких бурках и с сахарницей в руках, видно, хотел взять у секретарши еще сахара. Как я потом узнал, Федор Иванович очень любил чай. По портретам я догадался, что это сам Панферов. Невольно встал, то ли по фронтовой привычке (я недавно демобилизовался), то ли из уважения к авторитету известного писателя, то ли из робости начинающего... Он сразу заметил это и сказал:

— Стихи пишете?

Я замялся, ответил, кажется, «Пробую» и что я студент Литинститута. Федор Иванович жестом указал на дверь кабинета:

— Проходите, я сейчас вернусь!

...Редакция «Октября» во времена Панферова определенно имела свое лицо, начиная с приемной. В других журналах, как правило, говорили: «Оставьте стихи... Мы прочтем... Мы подумаем... Наведывайтесь...» И вот, наведываешься месяц, другой, иногда проходит целый год, и ты с чувством отчаяния замечаешь, как не соответствуют сроки прохождения рукописи срокам твоей жизни. Федор Иванович прямо сказал: «Ну, выкладывайте, что принесли?»

Я подал ему листок со стихами о Дагестане и Каспии. Он внимательно прочел и стал расспрашивать, сразу перейдя на «ты»: почему это в стихах русского парня Дагестан? Я рассказал, что провел в этой республике юность, там, в кумыкской газете, опубликовал на кумыкском же языке первые свои строки.

— А знаешь, у тебя тут материал на целую поэму! — И он рассказал мне, как сам пришел к Фурманову со своей первой литературной попыткой. Дмитрий Андреевич быстро пробежал глазами небольшой по объему рассказ и воскликнул: «О, тут рассказом не отделаешься. Надо писать повесть. Вы напали на золотую жилу!»

Федор Иванович написал повесть и опять принес Фурманову. Когда тот познакомился с новым вариантом, то высказал мнение, что и тут материал не исчерпан, его хватит на добрую эпопею. Так родились прошагавшие потом через все страны мира классические «Бруски».

Ссылка Федора Ивановича на «Бруски» была для меня очень убедительна. Я сам чувствовал, что быт, нравы, характеры людей прикаспийского Дагестана знаю хорошо и стихотвореньицем все не выскажешь. Я приступил к работе над поэмой «Вышки в море». Потом она была напечатана в «Новом мире». Произошло это потому, что тогда членом редколлегии «Октября» был М. К. Луконин, а он полюбил первый вариант моей поэмы, написанной более чем свободным стихом. Когда же я переписал «Вышки в море» (кстати, название поэме придумал Михаил Кузьмич) строгим классическим размером, то постеснялся показать ее такому новатору стиха, как Луконин. Хотя ошибся: он оказался куда шире!

Мне приходилось несколько раз выступать с Федором Ивановичем перед аудиторией. Это были встречи сотрудников и авторов журнала «Октябрь» с читателями. Думаю, что не только для меня, но и для всех выступления Панферова всегда были праздником. Столько остроумия, столько искристости в выражениях, стольков неподдельного земного здоровья! Он мог говорить о самых серьезных вещах с таким юмором, что зал покатывался со смеху. Я очень хорошо помню его толкование социалистического реализма. Отвечая на записку читателя по этому поводу, он рассказал такой случай. Они с другом были на Кавказе и решили подняться на высокую гору. Погода стояла изумительная. Сияло солнце, серебрились снежные вершины, у подножия цвели розы. На гору взбирались очень трудно, и спутник Федора Ивановича, то и дело наступая на каких-то весенних слизняков, обильно ползавших по камням, чертыхался. Он даже не заметил всей этой красотищи, пришел домой расстроенный и недовольный: «Черт меня понес на эту склизкую гору!» В заключение Панферов обратился к публике: «Может ли такой человек стоять на платформе соцреализма, коли заметил только слизняков и прошел мимо моря чудес?!»

Вот это умение Федора Ивановича говорить о самых сложных проблемах так ясно, так осязаемо, мало кому дается!

На вечере я сидел рядом с Федором Ивановичем и заметил, как он метко судит о стихах. Выступает поэт. Читает неплохие стихи. Но аудитория принимает их с холодком. Федор Иванович толкает меня в бок: «Не умеет читать, законов сцены не знает. Для такой разношерстной аудитории Пушкин не стал бы читать своего «Пророка». Пушкин выступил бы или с отрывком из эпического произведения или с лирикой, которая ясна с одного приема!

О другом поэте суждение было прямо противоположное: стишки пустоватые, но хлопают хорошо. Потрафляет вкусам зрителя. Этак далеко не уйдешь!

...Лишний раз убеждаешься, что память не очень надежный аппарат. Как будто все помнишь, а на поверку многие детали исчезают без возврата. Остается только образ во всем объеме. И все недостатки большого характера бледнеют перед достоинствами.

Федор Иванович был редактором по призванию. Его имя можно поставить в ряд с теми редакторами-классиками, которые шли на журналистское поприще с единственной мечтой — поднять общий уровень русской литературы, отметая всякую предвзятость и приятельщину, а порой и отравляя личные отношения с близкими.

Ему не только не надоедал поток произведений, прибывающих в редакцию, но он и организовал нечто похожее на курсы при университете — литобъединение при журнале «Октябрь». В разговоре он напутствовал нас с Александром Андреевым:

— Это у нас будет вроде колодца, в котором станут беспрерывно бить все новые и новые ключи. Ты, Саша, займешься прозой, а ты, Алеша, поэзией.

Это было действительно очень мудрое мероприятие, потому что литобъединение, оторванное от печати, не больше чем хорошо написанное письмо без адреса! У нас образовались два портфеля — по прозе и по поэзии, которыми все время интересовался Панферов:

— Ну как, прибывают таланты?

Могу сказать с уверенностью, что нет ни одного писателя, особенно нынешнего среднего и старшего поколения, которого так или иначе не поддержал бы Панферов. Письма, телеграммы ежедневно шли в самые различные концы страны. То он кого-то вызывал с Дальнего Востока, чтобы доработать рукопись, довести ее «до ума», то хлопотал о денежной помощи литератору, попавшему в беду... Просто удивительно, когда он находил время для своих произведений! Это был настоящий кудесник, садовник, который бережно выращивал каждый куст, каждый цветок, знал все болезни, знал секреты ухода за новым ростком, мог уберечь его от холода. У всех в памяти выражение Федора Ивановича: «Наше редакторское дело — не только посеять, но и уберечь побеги от тех, кто хочет их затоптать!» И он всегда отстаивал, оберегал своих авторов от грубых нападок, незаслуженных оскорблений под видом критики...

Когда оплеван и обруган —
Хоть с ремеслом своим кончай! —
Когда невыносимо туго
И даже верная подруга
Посмотрит косо невзначай,—
Мы шли к тебе на добрый чай!

От глаз с прищуром — синих-синих
Вдруг становилось так тепло,
Как будто бы сама Россия
Вас награждала новой силой.
Мы снова брались за перо,—
И ничего, опять везло!

Твоею лаской обогрета,
Хранит тепло моя рука.
Я передам пожатье это
Душой озябнувшим поэтам,
Тем, что идут издалека,
Не обогретые пока!

«...ПРЕДУСМОТРЕТЬ: ...УЛУЧШЕНИЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ...СОЗДАНИЕ БОЛЕЕ БЛАГОПРИЯТНЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ МАТЕРИ И РЕБЕНКА...»

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Сергей ВЛАСОВ

Фото Н. АНАНЬЕВА

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ № 117

Трехмесячную Наташу доставили в клинику в очень тяжелом состоянии. Она была без сознания. Крохотное ее тельце ломали судороги, дыхание останавливалось.

Заведующая отделением нейроинфекций Ариадна Васильевна Бурякова быстро поставила диагноз — крайне тяжелая форма гнойного менингоэнцефалита. Воспаление мозговой оболочки и вещества самого мозга. Положение катастрофическое. Вопрос жизни и смерти решают уже не дни и не часы — минуты.

9 часов 35 минут. Дыхание почти пропало. Восемь, шесть, четыре в минуту. Реаниматолог Валентин Павлович Нагленко не успевает следить за приборами. Девочке делают искусственное дыхание, в вену вводят противосудорожные средства.

9 часов 50 минут. Судороги удается приостановить. Постепенно восстанавливается дыхание. Теперь надо задержать распространение инфекции в организме — в подключичную вену вводят большие дозы гормонов и антибиотиков.

11 часов 10 минут. Ребенок без сознания. Взгляд его устремлен в одну точку. Вокруг глаз появилась синева. Из вирусологической лаборатории получен ответ: экспресс-анализ показывает, что девочка больна еще и гриппом.

13 часов 42 минуты. Новое осложнение — начался отек мозга. Дыхание становится редким, поверхностным. Наступает клиническая смерть.

Рыдающая мать ребенка настаивает, чтобы ничего больше не делали: «Все равно ей не жить или калекой будет». Когда на другой день она узнáет, что менингоэнцефалит нередко дает тяжелые осложнения, то откажется от ребенка...

13 часов 45 минут. Реаниматолог продолжает свою работу — искусственное дыхание, массаж сердца.

13 часов 48 минут. У ребенка появилось дыхание. Сердце бьется все ровнее. Произведена спинномозговая пункция. Получен густой, вязкий гной. Бурякова решает: «Будем промывать ликворную систему» (то есть подоболочное пространство головного и спинного мозга). Другого выхода нет...

Усилия врачей не пропали даром — они позволили отвоевать у смерти целую ночь.

Рано утром в операционную позвонила заведующая бактериологической лабораторией профессор Варвара Николаевна Чернова и сообщила, что в спинномозговой жидкости обнаружен пневмококк. Теперь важно правильно подобрать антибиотик, необходимый для лечения.

И снова перед врачами проблема: как заставить антибиотик скорее проникнуть к месту поражения. Ввести его, как обычно, в вену? Но при таком тяжелом случае это может не дать нужного результата. Виктор Дмитриевич Целоусов предпринимает смелую попытку ввести лекарство прямо в сонную артерию ребенка.

Попытка оказалась удачной.

Вскоре стало необходимым прямое переливание крови для очищения организма от инфекции. Лучше всего в таких случаях использовать кровь матери. Сегодня же донором стала медсестра Ирина Носова.

Так начиналась многодневная борьба за жизнь маленькой Наташи. Две недели она жила со вскрытыми венами — ей вливались лекарства. Девочку мучили судороги, рвота, кашель. Глотать пищу она не могла, приходилось кормить ее через специальный зонд.

Только на пятнадцатые сутки стало ясно: ребенок будет жить и, судя по всему, останется нормальным...

Все это происходило в начале августа в Ленинграде, на Петроградской стороне, в Научно-исследовательском институте детских инфекций. В будущем году ему исполнится 50 лет.

А началось мое знакомство с институтом вот как.

...Большая группа людей в белых халатах со вниманием слушала рассказ женщины средних лет.

— Мы с вами в вирусологической лаборатории. Здесь я хочу вас познакомить с новым методом диагностики, так называемым иммунофлюоресцентным. Из носоглотки больного берется мазок, и к нему добавляется флюоресцирующая сыворотка, содержащая специфические антитела. Если в организм занесен вирус, то под микроскопом будет видно яркое свечение пораженных клеток.

— А посмотреть можно?— спросил кто-то.

— Конечно. Вот вам сейчас Эльвина Евгеньевна Кузнецова, старший научный сотрудник отдела, все и покажет. Она, кстати сказать, председатель Совета наставников. Совет существует в институте уже второй год и руководит работой более сорока наставников: врачей, научных сотрудников, медсестер, лаборантов. Для медицинского учреждения такое явление — большая редкость.

Давайте перейдем теперь в боксовое отделение, где лежат дети, пожалуй, с самыми сложными случаями. Со смешанными инфекциями. Например, с менингитом и дизентерией

Доктор медицинских наук Г. А. Тимофеева и заведующая боксовым отделением В. А. Данилова проводят клинический осмотр.

В течение долгих недель врачи ни на минуту не выпускают из своих рук ниточку жизни больного ребенка.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Заведующая отделением клинических инфекций кандидат медицинских наук Г. И. Осипова с Аней Ордынской.

Еще совсем недавно Таня Земскова была в очень тяжелом состоянии.

Старший научный сотрудник вирусологической лаборатории Г. М. Денисов проводит экспресс-анализ.

Подопечные медсестры Тамары Лупаковой. Завтра их выпишут из клиники.

или с желтухой и с ветряной оспой. Дети содержатся здесь в отдельных боксах, в строжайшей изоляции, чтобы инфекции не могли перекинуться на других больных. А вот и сама заведующая отделением Валентина Александровна Данилова...

Это была «экскурсия» для преподавателей кафедр детских инфекций институтов города. А проводила ее главный детский инфекционист республики, ректор Ленинградского педиатрического института профессор Галина Александровна Тимофеева. Несколько лет она возглавляла Институт детских инфекций. Сейчас им руководит кандидат медицинских наук старший научный сотрудник Вера Васильевна Иванова.

Вслед за Галиной Александровной мы прошли по лабораториям и клиникам института. Узнали о широких научных исследованиях, о новом, разработанном здесь методе лечения дифтерии ультразвуком, о работах по проблемам иммунитета, о новых, так называемых щадящих способах проведения прививок у детей. Познакомились с работами старейшей в нашей стране детской клиники нейроинфекций.

Именно здесь мне и рассказали, как спасали маленькую Наташу.

Вместе с заведующей отделом нейроинфекций, кандидатом медицинских наук Марией Александровной Дадиомовой мы идем по отделению. Большие, светлые палаты, в каждой — ванная и туалет. В отделении большей частью лежат больные с различными воспалениями мозга и мозговых оболочек. По мере выздоровления ребят перевозят в левый конец коридора — подальше от процедурного кабинета, обставленного такими сложными и потому внушающими страх маленьким пациентам «машинами».

В одной из средних палат лежит и Наташа. Рядом с ней сидит ее мать. Она пришла. Вчера. И, смущенная, смотрит на улыбающуюся ей дочку и тихо, не веря своим глазам, говорит:

— Ведь с того света возвратили. И будет жить?

— Будет,— отвечает Мария Александровна.

— А здорова будет?

— Надеюсь, что да...

Мы с врачом выходим из палаты: у Дадиомовой сейчас начинается прием в поликлинике.

— Это здесь, в институте. У нас своя поликлиника, где мы проводим консультации для больных. Если хотите, можете пойти со мной.

И вот я в кабинете врача. Сюда приходят те, кто когда-то лечился в клинике. С помощью современнейших аппаратов записывая биотоки мозга, врачи изучают его состояние, судят о том, как протекает окончательное выздоровление ребенка. Этой же цели служат и разнообразные психологические тесты.

...Входит мать с сыном лет шести-семи.

— Здравствуй, Костя,— приветствует его Мария Александровна.— Этот мальчик,— поясняет она мне,— четыре года назад перенес такую же острейшую форму гнойного менингоэнцефалита, как и Наташа. Так же долго был на грани смерти. Так же сильно был истощен его организм. И даже номер истории его болезни был такой же — сто семнадцатый. Это я почему-то запомнила.

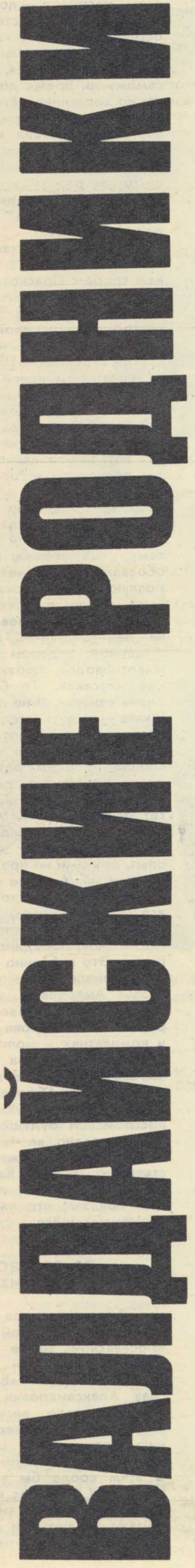
В конце тщательного осмотра Мария Александровна сказала Костиной маме:

— Ну что же, все исследования показали, что ваш мальчик здоров. Считаю, что в истории его болезни можно подвести черту.

■

Утренний туалет. Медсестра Елена Васильева и двухлетняя Марина Иванова.

Лаборант Г. А. Обманщикова проводит анализ крови на присутствие антител.

См. 2-ю обложку.

будущее, а настоящего как раз и нет. Так ли? И вот волокут меня на тракторной волокуше от центральной усадьбы совхоза «Матвеевский» на дальнее отделение — в гости к прославленной доярке костромской земли, Герою Социалистического Труда Серафиме Константиновне Крыловой. На волокуше, заменившей автобус по причине уж очень разбитой лесной дороги. Там за полями, за лесами многое открылось; запомнились рассказы о деревенском житье-бытье.

Набросаю несколько эскизов.

ОТЕЦ И СЫН

— Ну-тко, встану, погляжу, хорошо ли я лежу!— озоровало поволжски окающее многоголосье. Женщины впервые в жизни ехали в сторону Юга. Отпуск — это было так непривычно для них, колхозниц уже во втором поколении. Но председатель, человек начитанный, прогрессивный (и колхоз называется «Прогресс»), настоял: отдыхайте, бабы, и деньги немалые плачены, и заслужили, стало быть, привыкайте к правильной жизни. И вот он, сказочный Севастополь.

— Ой, Аграфена, воды-то, воды-то!

— Слышь, не море ли, бабоньки мои?

— Солона больно вода-то! Рассол, прямо рассол...

Они закатили нарядное разноцветье и опаско попробовали ступить в тугую воду моря. То был несказанный праздник души, подарок колхоза. Подарок лета 1976 года...

Или братья Чистяковы! Вот люди, богатыри, отдельного рассказа заслужили. Живут и работают в Молоковском районе на тверской земле. Оба возглавляют механизированные звенья. Старший брат, Иван, лен выхаживает; другой брат, Анатолий, выращивает картофель, у него поток налажен, обходится почти без ручного труда. Так вот оба брата — Герои Социалистического Труда. Соревность, удаль, любовь к земле не дают им спать, хорошим людям...

Приметы, приметы нечерноземной стороны.

Вот говорят, что пашенной земли в этих местах мало. Я прикинул, действительно, на деревню в среднем приходится не более четырехсот гектаров; в иных — степных — местах одно звено механизаторов без перенапряжения с таким наделом справляется. И никаких проблем. А тут деревня!

Передовые звенья — такие, как два звена Чистяковых, пока исключение. А сами поля? Шапкой иное накроешь. С новой техникой, с К-700 тут не развернешься. У мелиораторов и землеустроителей есть понятие — «контурность поля». Так вот в Калининской области, например, контурность поля в среднем не превышает... четырех с половиной гектаров. В Костромской области наверняка эта цифра еще меньше. Понятно, что контурность поля — среднеарифметический, технический показатель. Но и он о многом говорит: новую технологию, комплексную механизацию не применить. Рядом с опытно-производственным хозяйством имени Ленина, что под Торжком, лежат колхозные деревни, где свой век коротают последние старушки. Таких деревень не тревожат, пусть доживают свое, а дирекция опытного хозяйства мечтает в будущем перепахать их плантажными плугами вместе с полями, чтобы нарезать новый севооборот. Будет торжокская степь!

Но такие деревеньки еще не умерли, они еще длят свою жизнь, конечно, и мешают мелиораторам, землеустроителям перекраивать Нечерноземье. И ничего не поделаешь, надо ждать. На земле того же костромского совхоза «Матвеевский», когда возвращались от С. К. Крыловой, видел я деревню, рассыпавшуюся по бревнышку. Ни избы! Кроме, пожалуй, единственной, крайней. На крыльце ее сидел веселый голубоглазый старик с мальчонкой. В руках держал топор, по всему видно, отдыхал. Работа последних дней старика была вся на виду, он затеял обнести родную деревню новой изгородью. Зачем? Чтобы люди не торили тропы? Чтобы трактористы не запахали порядков или кто чужой не собрал изжившие себя бревушечки? А может быть, старые руки дела искали? Или возводил старик оборону перед осенним нашествием лосей и кабанов?

Короче, и такое встречалось.

Иная картина в колхозе «Россия», Торжокского района. Здесь место председателя, опытного и долготерпеливого крестьянина Михаила Константиновича Максимова, по праву общего голосования занял его сын — Евгений Михайлович. Нужды нет, что ему не было и двадцати пяти!

Прошло пять лет. Колхоз попрежнему лучший в районе, доходы растут. Евгений Михайлович очень симпатичный человек, выдержанный, знающий. Ни окриков, ни черных слов брани. Это и отцовская черта и благоприобретенное — такт, культура. Отсюда и чувства уверенности, достоинства. Они передаются и колхозникам, в первую очередь специалистам. Даже детям — на полях летом охотно, с азартом работают юные родственники колхозников, приезжающие «на дачу» из Калинина, Ленинграда, Новгорода. Хорошо, но подобных колхозов, живущих по законам единой семьи, характерным для артели, таких колхозов встречалось меньше. Рядом с ними силу набирают сельхозпредприятия, у которых своя организационная структура, свои внутренние взаимоотношения, иная поэтика труда — больше от инженерии, от прямолинейности геометрии. Такие новорожденные предприятия по характеру жизни коллектива более современны. А в колхозном селе многие, даже производственные вопросы решаются по-родственному, что ли.

Взять проблемы льноводства. Славу колхозам северо-западных областей дают удивительные льны. А лен требует воистину материнского ухода. Так вот, машины машинами, но именно руки колхозных мастериц делают северный шелк. В поле выходят единой семьей, а не «штатным расписанием». Учитывая это, государство совсем недавно повысило закупочные цены на лен.

— Ловите час, когда льны цветут!— говорил Евгений Михайлович.

И я ловил. Где поле, где небо? Слепил голубой разлив. Гектар — каждый — дает больше тысячи рублей, так что высока тут еще цена старых бабушкиных рук!

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА

Есть и еще пример счастливо сложившейся колхозной судьбы — знаменитая «Горшиха», Ярославской области. Тут мое сердце, признаюсь, дрогнуло. На теплом асфальте тихой, зеленой улицы я увидел крепкого белоголового мальчика с характерными чертами лица всех Абросимовых: крутолобый, скуластенький, взгляд пристальный, выжидающий.

— Андрюша, внук,— представил самого младшего из династии Николай Ильич Абросимов, председатель «Горшихи». Он явно любовался мальчиком, занявшим чуть ли не всю улицу — так прочно и широко стоял внучек, ожидая деда, чтобы ехать с ним «к коровкам», да вот чужой дядя помешал заманчивой прогулке. А я думал о своем: внук председателя? Так это, значит, правнук Ильи Ивановича Абросимова! Какая же она долгая, жизнь... Дело в том, что я хорошо знал и отчетливо, живо помню прадеда этого глазастого мальчика, который так неравнодушен к «коровкам». Двадцать два года назад великолепное дойное стадо колхоза «Горшиха» экспонировалось на ВСХВ в Москве. Там, на выставке, не раз и о многом мы разговаривали с главой горшихинской бригады Ильей Абросимовым.

Четверть века «Горшиха» — лидер ярославских колхозов. Сюда непременно везут всякого гостя. Частью уже построена в Медягине новая центральная усадьба, и оно обрело некие черты, ставшие общими для такого рода поселков. Хотя дома колхозников тут всегда были красивы на загляденье: резьба, высокие коньки, петушки, веселая покраска, аккуратный штакетник, воротца. Ко всему традиционно ухоженному, деревенскому добавились теперь асфальт, водонапорные колонки возле иссякших колодцев, новая площадь с автобусной остановкой и доской почета, новая столовая. И свой вертикальный микрорайон: многоэтажные кирпичные дома на три подъезда каждый. Центр утопает в цветах — цветы вдоль тротуаров, на детской площадке, в палисадниках, под окнами первых этажей. И в лоджиях цветы.

— Посмотрел бы батька!— не раз повторил за день знакомства Николай Ильич. Я вспомнил отца его, Илью Ивановича, вспомнил, как в 1954 году он рассказывал, почему крестьяне Медягина назвали свой колхоз «Горшихой». Не было на земле, по твердому убеждению старожилов, горше этого места. Но то была их родина, здесь бились родники их жизни. Елки, кочи, топь невылазная... Поезда проходили вроде бы и не так уж далеко, но к ним боялись ходить: топь подстерегала и конного и пешего.

— Дно Ярославщины, сюда к нам вся вода стекала!..

Как только сбились в артель, взялись миром за лопаты — стали канавы копать. Мелиорация! Но тогда такого слова не слыхивали, просто копали и копали по пояс в жиже, обрезая руки, шеи, лица об осоку. Копали, чтобы спустить воду, сделать себе первые поля, хотя бы под картошку и овес.

Прошли долгие годы, вот уж и правнуки поднялись на ноги! Горшихинские болота остались разве что в памяти, в обязательных рассказах для частых гостей да в названии колхоза. Топи постепенно обернулись рукотворными полями. Да какими! Здесь родина канищевских клеверов. Когда волюнтаристы заставляли распахивать богатейшие эти клевера, старик Абросимов, неистовый Илья Иванович, стоял насмерть у родных полей: «Что вы делаете? Остановитесь! Не будет прощения за такое!..» Отстоял.

— Не хвастаясь, скажу: мы чувствуем себя устойчиво. Земля, которую своими руками сделали, не подведет нас никогда. Вся экономика от нее, от земли. Говорите, нечерноземь? Ну, что ж. Это правда, цвет у нашей земли действительно не ахти, не того. Но сильна земля хозяином, а не только процентом гумуса...

Так объяснил ситуацию Николай Ильич. «Горшиха» обрела славу и немалые доходы благодаря верно угаданному направлению развития хозяйства в условиях нечерноземной земли, а значит, высокой кислотности, бывших болот, зажатых стенами лесов со всех сторон. Направление это — животноводство. Молоко! Как только напали на свою статью дохода, интереса, благополучия, так ни на год, ни на день с нее не свернули. Не нашлось такой силы, чтобы лишить «Горшиху» ее верного дела. Рукотворные поля дают богатейшие травы, надежный зернофураж. И земля выдерживает необыкновенно продуктивное стадо. Кстати, в «Горшихе» есть свой клуб доярок-четырехтысячниц. Председатель клуба, Герой Социалистического Труда Ольга Ивановна Абросимова тащит доильные аппараты и смеется: не доярки, однако, а коровы — четырехтысячницы! Ну да так уж назвали клуб, и всем понятно. А вообще-то средний надой в колхозе давно выше и достиг почти пяти тысяч килограммов на корову. Таких ферм в области и стране немного. И это при высокой жирности, при низкой кислотности и надежно высокой чистоте продаваемого молока.

Стадо свое создавали всем колхозом. Но главным тут был и остается чудодей — Иван Егорович Жариков. Не скудеет земля русская на таких самородков, как Жариков, Малинина, Абросимовы — отец и сын! Иван Егорович вывел горшихинских коров путем многолетнего непрерывного отбора. Знамениты ярославки. Пестрые — черные с белым,— небольшие сами по себе, но такие удойные (Ольга Ивановна выразилась: «удобные»), такие способные к раздоям, даже если и корма случаются не того... Но, как часто бывает, высоко оцененный народом талант Ивана Егоровича — он Герой Социалистического Труда, авторитет во всероссийском масштабе — до сих пор не увенчан ученой степенью. «Неостепененный он у нас ученый»,— говорят односельчане о Жарикове. Ему, разумеется, и горя мало, самому-то. Время дорого для дела, но соратникам его обидно. Об этом говорил, например, главный зоотехник колхоза, молодой еще кандидат сельскохозяйственных наук Николай Аксененков. Кстати, он-то как раз защитил свою диссертацию на материалах и выводах, собранных и сделанных в родном колхозе.

Николай Ильич как-то за клубникой со сливками поведал о давнем споре с Прасковьей Андреевной Малининой. Ясно, что Прасковья Андреевна горда своей костромской коровой, той самой, что создал всем на удивление другой кудесник — Штейман. Кстати, соавтором новой породы является и сама Малинина, прославленный председатель колхоза «12 Октябрь», теперь уже дважды Герой Социалистического Труда. Так вот, как-то давно они на людях поспорили, и горячо поспорили. Юмор, кстати, в том, что совещание проходило в областном цирке. Острая на язык Малинина в ходе специальной дискуссии на тему, чья корова лучше, даже обозвала как-то нехорошо малорослую пегую ярославку. Но то была вовсе не ссора гоголевских Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, хотя словцо, пущенное лидером костромских животноводов, прозвучало обидное «гусака». То был спор об очень важном. И не просто о престиже — о путях селекции! О направлении в животноводстве, о разных принципах в подходе к решению проблем российской деревни. Наконец, о праве человека, облеченного доверием, выбирать тот или иной путь. Умные люди, но и те подчас склонны навязывать свое крайнее мнение, свой опыт, другими не проверенный, не пережитый. А такое противопоказано в сельском хозяйстве, где все стоит на земле, все реально.

В давнем том споре победил Абросимов, победило стадо «Горшихи». Это публично и своеобразно признала позже и сама Прасковья Андреевна: «Ну, Абросимов, торжествуй. Твоя взяла! Хороша у вас корова — ярославка, и компактная и молочная. Только не заносись. Наша костромская корова — барыня, а никакой тебе не слон. Нет, Абросимов, не слон она, а фабрика молока! За нашей костромской будущее».

Вот и ладно, вот и разошлись с честью мудрые вожаки двух крестьянских артелей. Каждый остался при своем. Но, главное, каждый показал, что умеет уважать инакомыслящего.

ПО СОСЕДСТВУ С КАРАБИХОЙ

— В самом деле,— рассуждал уже в ходе другой встречи на ярославской земле генеральный директор крупной экспериментальной фирмы «Весна» Вячеслав Александрович Молчанов,— в самом деле, весьма непроизводительно недоверие к мнению специалиста. Шаблон противопоказан сельскому хозяйству. С этим вроде бы все согласны. И что же? И сейчас иной раз шараханье, всякие реорганизации ломают налаженное дело. Знаете, я когда-то работал на заводе. Был шлифовщиком. Микрон ловил на палец! Никаких отступлений! Шаблон, чертеж — закон. А в сельском хозяйстве успех определяют совсем другие принципы. Хотя как раз теперь промышленная основа производства и здесь, на селе, заявила свои права.

Молчанов мне понравился доверительным отношением к заезжему собеседнику. За ним — его опыт, знания, партийность. Истовое служение истине. А истина рождается в споре.

— Не в споре, а в поле!— играет словом оптимист Молчанов.

И правда, конструктор, которому укажут на ошибку линии, берет ластик и ту неверную линию стирает. Как не было! Ошибку в поле, на ферме не исправишь и за годы. Поспешные указания только запутывают дело экономики на селе. Земля, основное средство производства, она ведь разная. Не бывает одинаковых полей, одинаковых хозяйств. Это важно знать, помнить при планировании, при внедрении новшеств. Говоря языком современным, сначала следует моделировать, наблюдать работу модели, а потом выносить решение. За это ратует и Молчанов.

— Иной раз полгода план составляем,— продолжал генеральный директор,— а полгода корректируем его. Вот где теряем. Необходимо совершенствовать систему планирования и управления. Да не где-то в Москве, в Ярославле, а в районе. Иначе абсурд: окрестили генеральным директором, доверили фонды на сотни миллионов рублей — теперь вежливо, а то и не очень вежливо понукают, объясняют на пальцах, где сено, где солома... Внимания к Нечерноземью мы, руководители хозяйств, давно ждали, ох, как давно! Теперь разворот нужен. Да посмелее.

Молчанов убежден, что выход — в создании устойчивых экономических условий, в последовательном осуществлении мер по интенсификации, а это значит всемерном развитии специализации на базе крупномасштабной кооперации и агропромышленной интеграции. Выполнение плана — это вовсе не средство заткнуть пробелы в рапортах вышестоящим организациям, а следствие экономического обоснования, вытекающее из реальных материальных и людских возможностей.

Фирма «Весна» уже добилась интересных результатов, конечно, с оговоркой — самых первых. Имея около шести тысяч гектаров пашни (это на Нечерноземье-то!) и полторы тысячи человек, фирма получает почти по тысяче рублей дохода с гектара в год, а на каждого работающего человека — более четырех тысяч двухсот рублей! Людей заменили моторы, машины. В хозяйстве довольно высокий уровень механизации, так на условный трактор приходится шестьдесят три гектара. Энерговооруженность плюс хорошие качества исполнителей — вот решение половины проблем этой сельскохозяйственной зоны. Рентабельность в хозяйствах фирмы превысила пятьдесят шесть процентов. Фирма дает овощи независимо от погоды, над ними — стеклянное небо! А в специализированных совхозах производство молока и мяса переведено на промышленную основу. Но вот о чем речь генерального директора, вот что его беспокоит: чтобы выполнить

напряженнейший план производства, например, тех же овощей в объеме шестидесяти тысяч тонн в недалеком 1980 году, фирме нужны как минимум две тысячи орошаемых гектаров. Но их пока... сто десять, и мелиораторы еще не приступили к делу. Планирующие органы в курсе ситуации, но цифру свою спустили, узаконили.

За первое полугодие десятой пятилетки фирма получила более шести с половиной миллионов рублей выручки. За полугодие! Стало быть, есть уже полтора плана! Неплохой задел.

— Индустриализация ведет к резкому уменьшению издержек производства. Одно из хозяйств фирмы, совхоз «Дубки», добился рентабельности в сто пятьдесят два процента! Так что делает район? Он тут же присовокупляет к фирме... еще два бывших колхоза. И тут же, само собою, на них дается план в объеме, характерном для фирмы. Принцип старый: кто везет, тот вывезет! Подобная «кооперация» хозяйств с различным направлением и уровнем экономического развития носит формальный характер, потому что в двух этих бывших колхозах нижайшая производственная культура, песок вместо пашни, почти нет своих рабочих рук. Главное, они не могут выступать в роли партнеров, в роли пайщиков.

Помощь отстающему соседу — это благородно, хотя и хлопотно и накладно. Но объединение хозяйств должно быть как минимум экономически и научно обосновано. В районе поступили иначе: вместо знака интеграла поставили плюс. Объединение восприняли как механическое сложение. Результат? Нанесен моральный ущерб авторитету фирмы, поскольку с мнением руководства не посчитались, и рабочие это знают. Усилия распыляются, налаженный механизм неизбежно дает перебои, достигнутая экономическая эффективность в новой пятилетке неизбежно снизится. Уже сейчас падает оплата труда, специалисты лишаются премий... Ну, и кому такое выгодно? А ведь Молчанов к этому времени уже добился такого эффекта, что на каждый рубль из фонда зарплаты фирма стала получать продукции на десять рублей пятнадцать копеек.

Выступая на XXV съезде КПСС, Л. И. Брежнев важнейшей составной частью экономической стратегии, направленной на дальнейшую интенсификацию общественного производства, назвал эффективность. А повышение эффективности имеет в виду более умелое использование экономических стимулов и рычагов: хозяйственного расчета, прибыли, цены, премии. Июньское (1976 года) постановление ЦК КПСС предостерегало: при объединении должны строго соблюдаться принципы, проверенные практикой социалистического строительства в деревне, как-то: добровольность, научный подход к выбору организационных форм, материальная заинтересованность хозяйств, возникающих объединений. И не допускать при этом спешки, перепрыгивания через этапы...

Секретарь Ярославского райкома партии Л. А. Семенычева вручает вымпел лучшему отряду кормозаготовителей в колхозе «Горшиха».

НЕЛЬЗЯ НА ЛЮДЕЙ ЖАЛЕТЬ

Старая, важная тема. Живая жизнь заставляет к ней возвращаться вновь и вновь. И как радует, что есть такие ответственные руководители в деревнях Верхневолжья, как Евгений Михайлович Максимов, Николай Ильич Абросимов, дважды Герой Социалистического Труда Прасковья Андреевна Малинина, Вячеслав Александрович Молчанов, Герой Социалистического Труда Павел Павлович Смирнов—автор небывалого свинарника, и кандидат сельскохозяйственных наук Николай Павлович Новожилов, автор торжокской степи. Что у них общего? Хватка людей деловых, умеющих считать, людей демократического стиля руководства. А главное — реальный подход ко всему новому в условиях строительства прочной экономики. Они программируют каждый шаг своего хозяйства в гору. Старое на слом! Все внимание новым экономическим отношениям. Иначе как бы выдержала «Горшиха», которая не далее как в минувшем году продала зерна в объеме 10 (десяти) годовых планов. А колхоз «Россия» продал два годовых плана зерна. Так поступило каждое крепкое хозяйство. А остальные? Вот почему такое внимание партии и правительства к зоне Нечерноземья в целом — на ноги должны стать все хозяйства, все без исключения. Тогда и жить будут так, как живут в колхозах «Россия» и «Горшиха», как в совхозах «Дубки», имени 50-летия СССР, имени Ленина. Здесь есть и школы-интернаты и прекрасные столовые, идет строительство новых поселков, все тут радует глаз.

И люди труда всей душой отзываются на такую человечную политику тех же Максимова, Абросимова или Молчанова. Оплату эти руководители связали не с процентом выполнения плана, как бывало, а с количеством и качеством произведенной продукции. Например, дано заготовить тонну сена, и в договоре обязательно оговаривается: с высоким содержанием каротина! За это премиально-аккордная оплата. Я слышал, как шоферы спрашивали: «Сколько кормовых единиц заготовлено? Сколько его там, витамина?» Не сколько «ездок» ему отметили, как бывало, а сколько полноценного корма будет у коровы на зиму. В «Горшихе» доярки спрашивают у шофера молоковоза: «Каким сортом сегодня молоко приняли? С какой жирностью? Сколько там бактерий лаборант обнаружил?» Вот она, пятилетка качества! Вот он, интерес хозяина. То же пробудилось и у льноводов — доход определяет высокий номер волокна, отсюда и заметно старание, которое характерно для калининских льноводов. Они буквально нянчатся с голубоглазым растением-кормильцем. Я вспомнил: «Ловите час цветения!..»

...Юноши и девушки, ритмично вскрикивая, ходили широкими кругами по сцене колхозного клуба в «Горшихе». Темные руки взлетали, как ветви странных деревьев, и разом с грохотом опускались на спины продолговатых барабанов. Ярких цветов одеяния колыхались в такт колебавшимся телам. Зал не дышал, пораженный столь необычным зрелищем. И разом взрывался хлопками, когда медленная, ритмичная пляска-прибой вдруг останавливалась. Шел концерт студентов Университета дружбы имени Патриса Лумумбы. А потом вышел на сцену седой человек в белой рубашке с раскрытым воротом, и гости согласно закивали головами в такт таким знакомым словам: «Горе горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело...» И вдруг лукаво и со значением: «Сидят папаши. Каждый хитр. Землю попашет, попишет стихи...» Грянул общий смех, хлопки. Гости знали русский язык, знали историю Страны Советов и знали от советских учителей меру подвига этих крестьян, что так приветливо их принимали сегодня. А седой человек со сцены читал Маяковского еще и еще: «Лишь, лежа в такую вот гололедь, зубами вместе проляскав, поймешь: нельзя на людей жалеть ни одеяло, ни ласку».

Потом пели. Пели вместе. Сильно запевают девчата в «Горшихе»! А лумумбовцы льнули к седому человеку в белой рубашке. И председатель Николай Ильич Абросимов — это был он на сцене — рассказывал им о бывавших в этих местах Пушкине, Некрасове. И о том, почему колхоз носит название «Горшиха». Горе горькое... Нельзя этого забывать. И Андрюшка прижимался к деду, помолодевшему среди таких веселых и белозубых, нездешнего обличья парней и девушек. Правнук старого Абросимова... Кем он станет? Забудет ли он нынешнее лето, голос деда, читающего стихи, забудет ли эту землю, с которой ни разу еще не мерз, на которой если когда и лежал, то не в гололедь, а в горячий летний полдень, на траве-мураве, вдыхая запах земляники? Что надо сделать, чтобы человек не мог забыть, не мог оставить зеленую землю дедов, прадедов, такую теплую, единственную?

...Просыпался новый день, звал дальше. У причала речного вокзала в Ярославле ждала белая рыбина «Ракеты». Вот она приподнялась на негнущихся крыльях, скрытых под водою, и рванулась вперед, длинно вытянувшись над синим полотном Волги.

Синими были и Волга, и небо над нею, и берега, затопленные цветущими льнами.

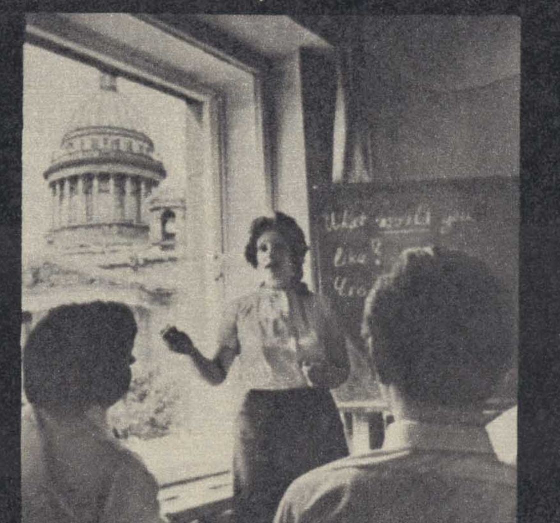
Гид-переводчик Алла Ящук.

Трап только что спущен...

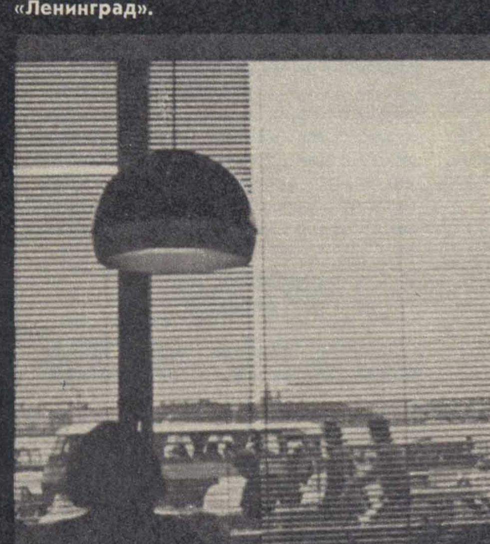
ГОСТИ-КРУ

На Дворцовой площади.

На уроке английского языка отвечает официантка Любовь Фонарева.

Бюро обслуживания гостиницы «Ленинград».

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото Н. ИВАНОВА

ГЛЫЙ ГОД

В списке заветных мест современных пилигримов по праву числятся Эрмитаж в Ленинграде, кружево невских мостов и радуга петродворцовых фонтанов... Ленинград способен и готов удивлять своих гостей день изо дня в любое время года. Но каждый турист хочет удивляться по-своему. Господин Лэнгстон, полицейский чиновник из Великобритании, прибыв в Ленинград, спросил:

— Как часто здесь случаются дневные ограбления магазинов!

Это был вопрос, способный поставить в тупик даже интуристовского гида. Сотрудники Ленинградского уголовного розыска сообщили мистеру Лэнгстону, что

У Людмилы Евгеньевны Курьяновой «все флаги» на столе.

С сувенирами вопрос решен.

с таким видом преступлений незнакомы даже самые опытные из них. Английский полицейский счел, что свою порцию удивления он получил сполна, и, удовлетворенный, отбыл домой.

— А вообще-то редко кому из четырехсот гидов-переводчиков ленинградского отделения «Интуриста» приходится в своей повседневной работе прибегать к консультации специалистов других отраслей,— рассказывает заместитель генерального директора ленинградского отделения ВАО «Интурист» Юрий Иванович Востриков.— Арсенал их знаний истории города, всех сфер его современной жизни — будь то искусство, наука, экономика — настолько велик, что способен удовлетворить самое изощренное любопытство иностранного гостя.

Однажды руководство ленинградского «Интуриста» попросило гостей города дать оценку работе гидов-переводчиков по трехбалльной системе: «отлично», «хорошо», «удовлетворительно». Девяносто два процента туристов безоговорочно проголосовали за «отлично». Но не только высокая квалификация гидов определяет успехи «Интуриста». И тут нельзя не сказать добрые слова о поварах, кондитерах, официантах ресторанов «Интуриста». Мастерство специалистов из кухонного цеха занимает в работе «Интуриста» отнюдь не последнее место. Первая заповедь русского гостеприимства обязывает хозяина: «Накорми!» Исполняют эту заповедь люди высочайшей квалификации. Один из них — Михаил Кузьмич Дряглин, директор ресторана ленинградской гостиницы «Европейская». Его умение готовить русские национальные блюда действительно неподражаемо. Дряглин побывал в разных странах, открывая свои секреты зарубежным коллегам.

Более тридцати лет работает в «Астории» Людмила Евгеньевна Курьянова. Сейчас она директор ресторана, но круг своих забот не ограничивает должностными административными обязанностями. Людмила Евгеньевна — автор не изданной пока кулинарной книги, где собраны сотни рецептов разных национальных блюд, творчество многих поколений поваров Европы и Азии. Книга постоянно пополняется и служит отличным пособием для ресторанных кулинаров.

«От имени сорока туристов из Франции благодарю персонал ресторана за вкусное приготовление пищи, отличное обслуживание, продуманное меню, составленное с учетом национальных особенностей туристов».

В книге отзывов «Астории» множество похожих записей сделано на итальянском, греческом, венгерском, японском языках.

Три раза в год в Ленинграде проводится пушной аукцион. Каждый раз на этот аукцион съезжаются триста купцов — лидеров мировой пушной торговли, и еще ни разу ни один из них не согласился остановиться в какой-нибудь другой гостинице — только «Астория»! Секрет такого пристрастия раскрывается просто — стоит лишь дальше полистать книгу отзывов.

«Я с большим удовлетворением хочу заявить, что мне никогда не доводилось сталкиваться с организацией, столь четко и оперативно работающей, как «Интурист».

Цель моего визита в Советский Союз заключалась в том, чтобы привезти группу руководящих деятелей туристской индустрии США для обсуждения путей увеличения потока туризма между нашими двумя странами. Прием, оказанный нам здесь, был настолько добросердечен, что я уверен: наш визит будет способствовать укреплению прочного мира, что имеет особый смысл для Ленинграда — города-героя.

С наилучшими пожеланиями — всегда ваш Лангхорн Уошборн, министр по туризму США».

Полмиллиона гостей в год принимает ленинградский «Интурист». В его штате почти четыре тысячи сотрудников.

Круглые сутки не смолкает телетайп, установленный в административном здании объединения на Исаакиевской площади.

«180 японских туристов высадились с корабля в Находке»,— сообщает телеграмма. В Ленинград они прибудут через несколько дней, но сразу же начинается организация их встречи. Распределены места в гостиницах, по минутам расписана программа. В ней учтено, что время пребывания японских гостей на ленинградской земле совпадает с годовщиной атомной бомбардировки Хиросимы. В память этого трагического события — митинг на Пискаревском кладбище.

Французские туристы отмечают на берегах Невы день взятия Бастилии. Английские инженеры знакомятся с организацией производства на ленинградских предприятиях. Мастера искусств из Мексики посещают хореографическое училище имени Вагановой.

Мчатся по улицам автобусы... Легендарная «Аврора», Смольный, Петропавловская крепость, Русский музей, Театр оперы и балета имени Кирова... Город добросердечно открывает перед гостями свои неисчерпаемые революционные, исторические, культурные реликвии.

«Ленинград прекрасен во всех отношениях: история, архитектура и гостеприимство».

Этими словами австралийских туристов мы и закончим наш рассказ.

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ОТРЕ

ГЛАВА 10

Наши набожные обыватели, противники всякого сектантства, пытались, как это водится в глухой провинции, сделать из Джули посмешище, но его это нисколько не задело — ведь он вовсе не стремился бросить вызов каким-то условностям. Ему просто не любопытно было, что болтают и что думают о нем наши неотесанные мужланы, толстокожие герои и любители поиздеваться над пришлым людом. Он попросту никого в городе не замечал.

Но они-то его замечали. Теперь он постоянно играл с «Веселыми парнями» на танцах. Городские кумушки, великие мастерицы судить да рядить про всякое распутство, уверяли, что Джули пустился во все тяжкие. Однажды меня остановила на улице миссис Дженни Перец, несравненное контральто нашего пресвитерианского хора и жена местного торговца молочными продуктами. Она пожелала узнать, почему я не помешаю Джули вести себя так недостойно.

— Всем известно, что они там себе позволяют на этих танцульках,— сказала она, испуганно комкая белые перчатки.

— А вам тоже известно, что они себе позволяют, миссис Перец? — спросил я.

— Ты прекрасно знаешь, Кит Куэйл, о чем я говорю,— сказала она.

— Нет, не знаю,— заупрямился я, и миссис Перец была возмущена таким невежеством.

Миссис Джойс, владелица кондитерской, которая славилась восхитительными домашними пирожными, как-то в субботу увидела меня на улице, соскочила с велосипеда и заявила, что моего друга Джули надо как следует высечь.

— Ты его друг,— сказала она.— Ты должен его образумить. Он разобьет сердце своей матери...

Я обозлился. Эта Джойс скорее всего никогда в глаза не видала миссис Кристо, и, уж конечно, прежде ее ничуть не заботили ни сам Джули, ни его мать.

— Ну и пусть разбивает,— огрызнулся я.— Вам-то какое дело?

Я знал: не надо бы мне обо всем этом беспокоиться — и старался пропускать такие разговоры мимо ушей, не желая быть духовным стражем Джули. И все-таки не мог я понять, что же с ним происходит. Но всякий раз, как он попадался мне на глаза, мне казалось, он становится все неистовей, все сильней чем-то одержим, и, если верить нашим прежним одноклассникам, которые бывали на танцах, он не просто играл в

Продолжение. См. «Огонек» №№ 35—39.

ШЕННЫЙ

джазе с «Веселыми парнями», но играл так, словно малость на этом помешался.

— Все говорят, ты пересаливаешь,— сказал я Джули, увидав его на балу в честь Сельскохозяйственной выставки, где он играл. Я пришел в перерыве и сам его еще не слышал.

— В чем пересаливаю?

— Не знаю,— честно ответил я. Тому, что про него болтали, я верил лишь наполовину.— Но все твердят, будто ты играешь словно бешеный.

— Ну и что? — ответил он, как всегда, когда речь заходила о нем или о его матери.— А ты что тут делаешь?

Побывать на этом балу мне теперь полагалось по долгу службы. После затянувшейся и обозлившей меня неудачной попытки пойти по стопам отца я уговорил старую миссис Ройс, владелицу и издательницу нашей местной газеты «Стандард», взять меня в качестве единственного репортера с жалованьем пятнадцать шиллингов в неделю и наконец-то просто перестал являться в отцовскую контору и тем убедил его, что в адвокатуре от меня толку будет как от козла молока.

Итак, на Выставочный бал я пришел, чтобы собрать материал для заметки. Праздник этот был у нас из самых любимых, тут бывали и доктора, и адвокаты, и торговцы мануфактурой, и местные воротилы, и агенты по продаже недвижимости, и охотники, и даже сам Эллисон Айр, богатый скотовод из Заречья, но все равно кое-кто полагал, что это единственный день в году, когда наши уважаемые граждане погрязают в грехе и пьянстве.

— Я сменил работу,— сказал я Джули.— Теперь строчу для «Стандарда» (на Джули это не произвело никакого впечатления: самому ему было все едино, где работать).— А вот что с тобой-то будет?

Джули явно удивился.

— Со мной все в порядке,— сказал он.

— Ты где-нибудь работаешь?

После истории на ипподроме Джули как ни в чем не бывало опять пошел к Джо Хислопу. Но Джо кинулся на него с вилами. Мой брат Том по дороге в школу видел это и потом рассказал мне, что Джули пятился от Джо и кричал:

— Вы сами виноваты! Нечего было вмешиваться!

А Джо снова сделал выпад вилами и пригрозил всадить их в его «библейский зад» — пускай только посмеет подойти к конюшне.

— С чего он так обозлился? — спросил Джули у Тома.

— Да из-за волос,— сказал Том.

Джули никогда не мог понять злопамятства и с отвращением пошел прочь.

— Значит, ты сейчас без работы? — спросил я теперь.

— Нет. Работаю у Дормена Уокера.

— Кем работаешь?

— Не знаю, Кит. Что он скажет, то и делаю: складываю мешки с соломой, ссыпаю зерно в лари, гружу повозки. Все делаю...

— А как же руки?

— Что руки?

— Ты ж их погубишь.

Джули глянул на тонкие свои пальцы, хрупкие, точно весенний первоцвет.— Руки как руки, что им сделается,— сказал он.— Не пойму, о чем ты толкуешь.

— Ладно, неважно,— сказал я.

Билли дунул в саксофон, созывая своих «Веселых парней», и Джули поднялся на маленькую пыльную эстраду и сел на плетеный стул возле пианино рядом с Билли и четырьмя другими джазистами. То были Алан Инглиш, один из городских пекарей,— белыми, мягкими, как тесто, пальцами он барабанил на пианино; «Банджо» Уитерс — это он положил начало нашему джазу; Боб Мартин — он дул и дул в свой тромбон до полного изнеможения, так что каждые полчаса приходилось делать передышку; и, наконец, Тим Бэннер — он бил в литавры. Билли теперь играл на саксофоне, свой кларнет он отдал Джули, и на эстраде каждый из шестерых составлял часть единого целого, точно разрезанный пирог на блюде.

Билли вовсе не создан был для эстрады, наоборот, человек он был на редкость скромный. Но он считал своим долгом устремлять инструменты и взор прямо к нам, остальные же «Веселые парни» уставились куда-то в пол. Я любил джаз, или рэгтайм, или как он еще тогда назывался (то не были подлинные ритмы рэгтайма начальной поры, который исполнялся на одних только медных духовых), но тогда не принято было двигаться по танцплощадке словно во сне и чтоб в голове при этом бродили всякие умные мысли. Четкий темп был куда важнее состояния духа: джаз был музыкой для танцев, и именно для танцев джазисты и играли. Но Билли был в душе ко всему еще и художник и, подобно старинному мастеру, который не мог удержаться, чтоб не украсить строгую колонну готического собора какой-нибудь химерой, украшал свою партию всевозможными импровизациями.

Самой музыки я не помню, зато помню неустанное ритмичное шарканье сотен пар ног в фокстроте. С потолка свешивались бумажные украшения, и танцоры занимали стоящие вдоль стен стулья модными куртками, вечерними сумочками, шелковыми шарфами, пудреницами, карточками с записями, кому какой танец обещан, и портсигарами. Девушки все с ног до головы были в шелку, а молодые люди — в смокингах или в костюмах, в черных галстуках бабочкой и лакированных туфлях. В зале яблоку некуда было упасть, и я совсем забыл про Джули, наслаждаясь всем вокруг, упивался ощущением праздника, запахами духов, сигарет, человеческой плоти, грешным, кружащим голову шелестом шелка, трущегося о шелк, шуршанием чулка о чулок, платья о платье.

«Право слово! — восторженно думал я, всей кожей как бы чувствуя прикосновение каждой женщины в зале.— Недаром евангелисты называют эти сборища греховными».

«Веселые парни» месили музыку, точно тесто. В конце концов они ведь были не профессионалы, а любители и не чеканили каждый звук, а смазывали. Но едва я прислушался повнимательней — и сразу же услышал: Джули ведет мелодию в одну сторону, а Билли и остальные — в другую. Он был сам по себе. Казалось, Билли и остальные предпочитали не обращать внимания на Джули и, как всегда, весело, шумно, увлеченно обрушивали на зал ритм за ритмом, а Джули и старался делать то же, но каждый звук у него был так строг, точен, сложен, что различить его в общем хаосе можно было, только если тщательно прислушаться. А все в целом получалось громко и нервно, но было тут и что-то еще. Мне показалось, эта музыка рождает в зале наэлектризованность. Чем дольше они играли, тем явственней ощущалась она в танцующих, в движении юбок, туфель, сумочек, в болтовне и взаимной тяге мужской и женской половин. Здесь было чудесно, я получал истинное удовольствие, и уходить очень не хотелось.

Но, едва шагнув за порог, я сразу понял, какая все это пресная скука. Ничуть не греховнее танцев под эгидой церкви или какого-нибудь школьного концерта. Наэлектризованность длилась, лишь пока играли «Веселые парни». Но стоило выйти на воздух — и от нее не осталось следа.

Подлинными рассадниками греха, из-за которых «Веселые парни» заслужили столь дурную славу не только в самом Сент-Хелене, но и в десятке окрестных поселков, были танцульки, что устраивались примерно раз в неделю под навесами, где стригли овец, или сушили шерсть, или паковали фрукты. Вот куда являлись бесстыжие городские девчонки с ярко накрашенными губами, вот где они бесшабашно отплясывали в открытых туфельках и со скатанными книзу валиком чулками, выставляя напоказ голые ножки, курили в темных, укромных уголках, источали соблазн, точно чаши с вином, и потягивали пиво прямо из бутылки во всех чуланчиках, примыкающих к бесчисленным в нашей округе навесам для стрижки овец. На этих-то танцульках наши девчонки напивались допьяна, парни затевали драки, здесь покрывались позором семейные очаги и рушились романы. Таково было теперешнее окружение Джули, и оно, конечно же, наложило на него свой отпечаток. И если я хотел по-настоящему знать, как он теперь живет, надо было увидать его именно там.

Я мало что знал об этих танцах под навесами: сам я не танцевал — девушка, в которую я был тогда влюблен, сказала, что можно обойтись и без танцев. Да и вообще я как-то внутренне противился всем ритмичным эротическим мелодиям, дикарским обрядам и прочему в этом роде. Опасался, пожалуй, не столько за свои ноги, сколько за свой рассудок.

Из множества скандальных историй, которые мне рассказывали про эти танцульки, мне памятней всего та, в которой замешана была наша бывшая одноклассница Джил Бонар. Как-то воскресным утром ее нашли в канаве в шести милях от нашего города и в пяти — от нойских навесов для сушки фруктов, где накануне вечером были танцы. Джил была скромница, работала у Белпера в магазине тканей и на танцы пошла со своей подружкой Анитой Андерсон, но во время танцев Анита потеряла ее из виду и понятия не имела, что с ней потом случилось. Когда Джил нашли, она валялась в канаве пьяная и голая до пояса. В правой руке она крепко сжимала мужской галстук, и месяца три город весело строил догадки, кто же ее там бросил и чей то был галстук. В городе не осталось ни одного мужчины, на котором бы кому-нибудь не привиделся задним числом этот галстук, но тайну так и не удалось раскрыть. Джил вскоре уехала к тетке в Бендиго, за сто миль от нас, и мы больше ее не видели.

Иные мои сверстники бывали на танцах (они ездили туда на автомобилях и двуколках, на велосипедах и мотоциклах) и, когда я расспрашивал о Джули, посмеивались и отшучивались, отвечали кто насмешкой, кто непристойностью, кое-кто говорил о нем с покровительственной нежностью, но все сходились на одном: теперь уж вовсе не известно, чего от него ждать.

— Он вконец рехнулся,— сказала Пегги Энтуистл, а Пегги была у нас одна из самых веселых, самых белокурых, самых лихо постриженных девчонок, которые щеголяли в шелковых чулочках.— Да-да, спятил. Бывает, приходится его останавливать, Кит, как начнет выделывать эти свои штуки, ну, невозможно танцевать.

— Какие еще штуки?

— Ну, эти его фокусы на кларнете. Бывает, его уж так заносит...

— По-твоему, он плохо играет?

— Не говори глупости, Джули просто волшебник. Никто не понимает, как это у него получается. Но бывает, он становится прямо бешеный, вот и все, и тогда уже не потанцуешь...

— Увлекается, наверно,— сказал я, а Пегги тем временем нежно смотрела на меня не мигая; это у нее само получалось, ее ласковые, с поволокой глаза вот так же уставлялись на кого попало. То было излюбленное развлечение на танцульках под навесом.

После разговора с Пегги я решил, что пора мне самому посмотреть на Джули за игрой, и спросил другого нашего сверстника, Боба Эндрюса, где и когда будут теперь танцы под навесом.

— В следующую субботу,— сказал он.— В старом Выставочном зале.

— Я приду,— сказал я Бобу.

— Ай да Кит! — обрадовался Боб.— Не бойся, не проболтаюсь.

Боб, высокий, кадыкастый, лихой парень, строил из себя щеголя, но денег у него было кот наплакал, и потому он оставался всего-навсего полунищим парнем в старательно отглаженных брюках, которые, сколько он их ни гладил, вечно были все в морщинках и складках.

— Я просто хочу послушать Джули,— сказал я Бобу.

— Джули — ого! — со смаком сказал Боб, словно предвкушая, как я буду поражен.— Он такое выделывает...

— То есть?

Боб рассмеялся.

— Сам увидишь.

— Он что, напивается? — Мне уже и это говорили.

Боб, отличный механик, всегда прятал руки: ему никак не удавалось дочиста смыть с них смазку. Но, случалось, он закатывался хохотом и тогда старался еще и прикрыть рот, как обычно делают китайцы.

— Ты всегда был туповат, Кит,— сказал он.— Ты ж сам знаешь, Джули не станет напиваться. Просто он как схватит свою дудку и вот дает, вот дает. Бывает, мы даже не поймем, что он такое играет. Но он переигрывает весь оркестр, Кит. Разбивает их всех наголову.

— Ладно, до субботы,— сказал я, и Боб крикнул мне вслед:

— Вот честное слово, никому не проболтаюсь.

Старый Выставочный зал был всего-навсего крытый рифленым железом сарай с деревянным полом и четырьмя запыленными окнами. Таких сараев у нас было два, во время выставок тут устраивались состязания в стрижке овец, а потому пол насквозь пропитался жиром. Считалось, что в городе не сыскать лучшей площадки для танцев. Но воздух тут был насыщен (другого слова не подберешь) запахом бараньего сала и сальной шерсти, а во время танцев в противоположных концах зала зажигали по большому карбидному фонарю, и тут воняло серой, как в аду. Городские власти не разрешали Локки Мак-Гиббону, который устраивал танцы и платил «Веселым парням», пользоваться электричеством. И вот сарай наполняла смутная мгла, которую кое-где пробивали огромные жаркие колодцы газового света. Танцорам тут нравилось, наверно, больше всего потому, что стоило здесь очутиться, и они словно отгораживались от всего города: так черный шатер, раскинутый в пустыне, укрывает путников от раскаленных солнцем небес.

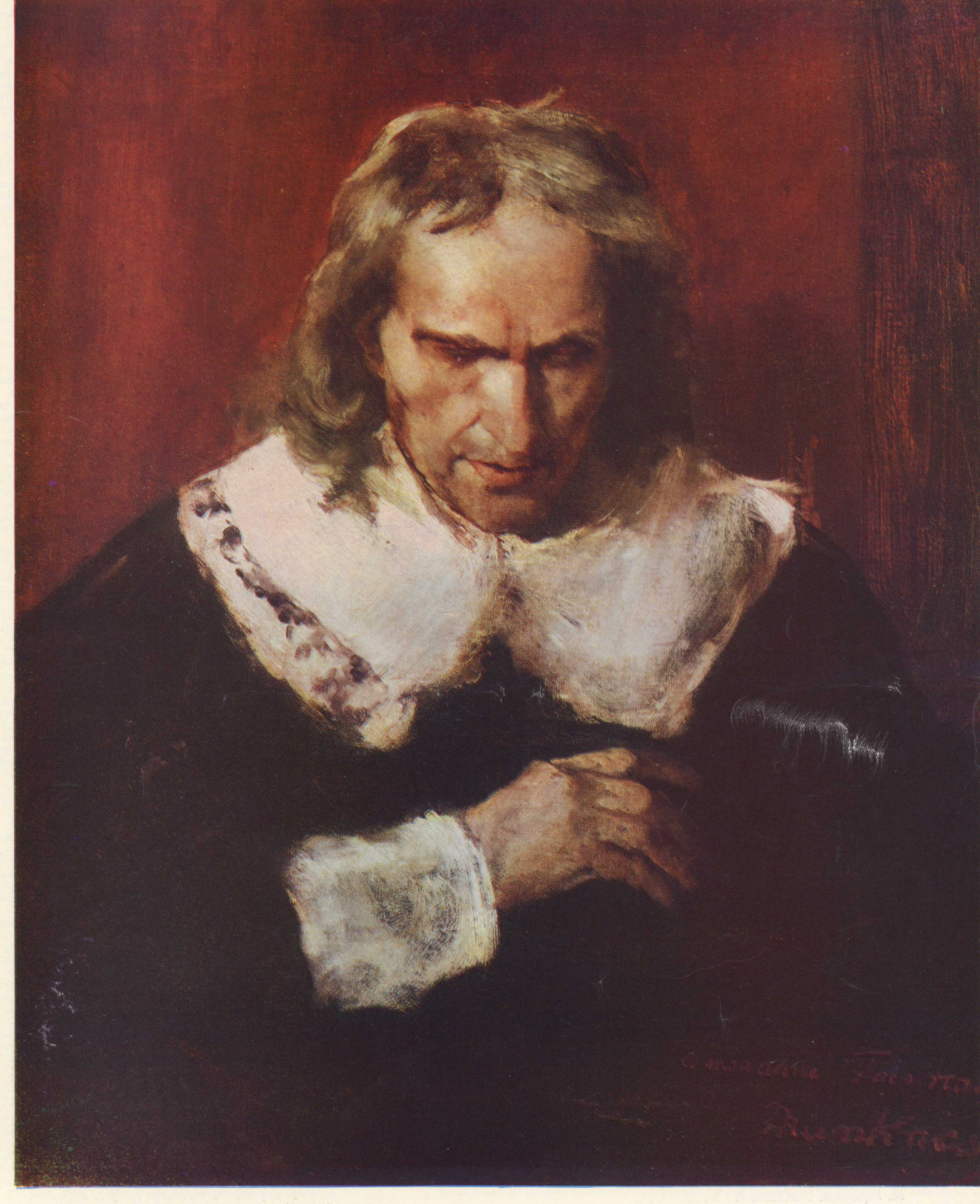
В тот летний вечер около сотни ребят и девушек сидели вдоль стен на полу или на перилах овечьего загона и ждали, когда снова заиграет музыка. Было десять, а танцы начались в девять.

— «Стандард» прибыл! — на весь переполненный, шумный, прокуренный зал крикнул, завидев меня, Боб Эндрюс.

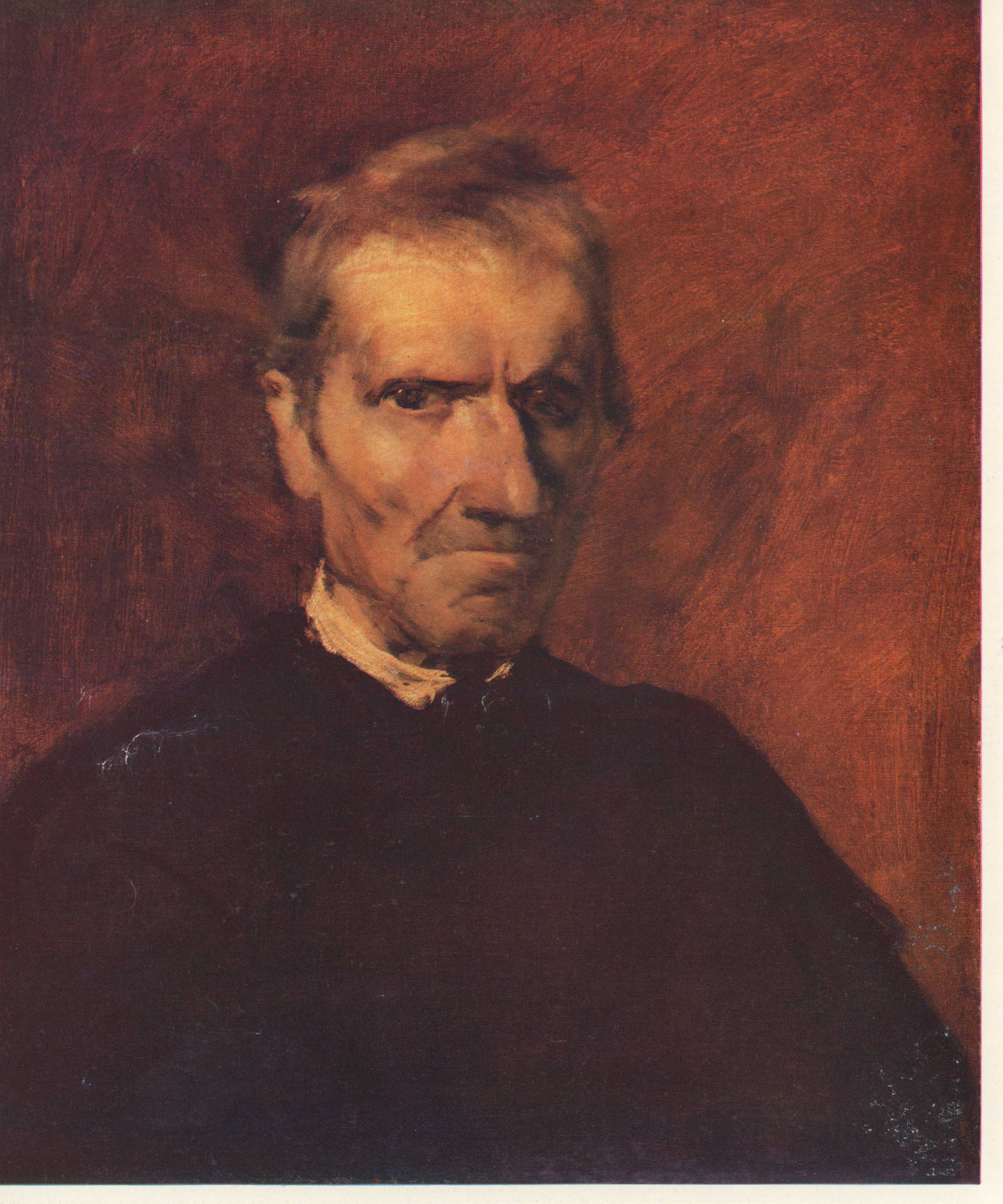
Никто не обратил на него внимания. Двумя тощими пальцами в пятнах въевшейся смазки Боб сунул смятый носовой платок в рукав (похоже, он подражал моему отцу) и шепнул мне:

— Глянь-ка на старуху Норму Толмедж.

Норма, тоже наша сверстница, была дочерью богатого местного дантиста, он с детства баловал ее, давал слишком много денег на сласти, и это погубило ее зубы. Отец сумел спасти лишь восемь передних дочкиных зубов — четыре верхних и четыре нижних. Остальных уже не было, и потому щеки у Нормы ввалились: вставлять зубы она не желала. Глаза у нее тоже ввалились, грудь была впалая, и в призрачном этом свете она казалась то ли неземным созданием, то ли обреченным, хотя на самом деле девчонка была здоровая, хорошая теннисистка, самая начитанная среди городских девчонок и при дневном свете по-своему привлекательная. Норма унаследовала у Энни Пауэрс дурную

М. Мункачи. ГОЛОВА МИЛЬТОНА. (Этюд). 1877. Венгерская национальная галерея. Будапешт.

М. Мункачи. УЧИТЕЛЬ ИЗ КОЛЬПАХА. Венгерская национальная галерея. Будапешт.

славу самой распущенной девчонки в городе, а Энн с той поры успела выйти замуж за фермера из Мэлула, в Заречье, родила уже двух детей, окрестила их и воспитывала по всем правилам добропорядочности.

— Ну, что скажешь? — спросил Боб, ткнув меня локтем в бок.

Норма что-то говорила Джули, а он ел сандвичи и слушал ее по своему обыкновению молча, с отсутствующим видом. Норма дергала его за рукав, чего обычно никто себе с ним не позволял. Но больше всего меня поразил сам рукав, куртка, которая была на Джули.

— Господи! — ахнул я.— Что это на нем?

— Билли раздобыл им всем в Бендиго подержанные костюмы,— сказал Боб.

Все «Веселые парни» были в ярко-синих курточках и все, кроме Джули, в белых брюках. На Джули такая же курточка (на нем она выглядела престранно), но брюки те же, что он носил, ворочая сено в фуражной лавке Дормана Уокера, а башмаки, как всегда, просили каши.

— Старуха Норма втрескалась в него,— сказал Боб,— весь город надорвал животики.

Я бы нипочем этому не поверил, если б не поглядел своими глазами, но тут сомнений не оставалось.

— Сдурела она, что ли,— сказал я.

— А что такого?

У меня чуть было не сорвалось с языка, что для Джули есть только одна подходящая девушка — Бетт Морни. Хотя она давно уехала из города и тот памятный случай положил конец их дружбе, для меня все равно Бетт и Джули были неотделимы друг от друга. Но Бобу я этого говорить не стал.

— Что ж,— сказал я,— Джули слеп. Он даже и не замечает ее.

— Это ты так думаешь,— возразил Боб.— А вот она ему приносит сандвичи, и он всегда распрекрасно их уплетает.

А я как раз удивлялся, откуда у него сандвичи. Приносить их из дому он бы не стал.

— И все-таки мне не верится,— сказал я.

— Она отвозит его домой в машине своего родителя,— стоял на своем Боб.— Вот погляди-ка на нее.

Норма в эту минуту тянула пиво прямо из бутылки — для тех времен зрелище чудовищное. И оно казалось тем чудовищней, что была Норма такая же хрупкая, как и сам Джули. Но, уж конечно, это доказывало, что такие вот танцульки и вправду сбивают молодежь с пути истинного, и так далее и тому подобное.

— Что ж,— сказал Боб,— Норма обломает на этом последние зубы.

Я засмеялся.

— Хотел бы я знать, о чем это Джули все думает,— сказал Боб.

О чем бы там Джули ни думал, мысли его наверняка заняты были не тем, что творилось у него перед глазами, и даже не тем, что позволяла себе в эту минуту Норма.

— Ага, сейчас начнут,— сказал Боб и отошел от меня, а Билли и остальные «Веселые парни» присоединились к Джули, который сидел среди инструментов под одним из карбидных фонарей.

И они начали; я не ждал от их игры ничего нового, ведь я слушал их всего несколько месяцев назад, во время Выставочного бала. Но я ошибся. «Веселые парни» — народ легкомысленный — прежде всегда играли лихо, с увлечением, на ошибки внимания не обращали, сама музыка и удовольствие, которое она доставляла, были для них куда важней исполнения. Но сейчас их словно подменили. Они были серьезны и, казалось, настороженно прислушивались, словно не знали, чего ждать, словно если не сосредоточиться и не следовать покорно за Джули, все развалится. Прежнего развеселого, разудалого шума и грохота как не бывало, игра стала много сдержанней.

Поначалу только эту разницу я и ощутил. Билли очень неплохо играл на саксофоне, а кларнет Джули никак не выделялся среди прочих инструментов. Но вот Джули отложил кларнет, схватил с соседнего стула длинношеее банджо, и сразу почувствовалось, он перестраивает музыку на свой лад. Банджо требует стремительного темпа, силы, порывистости, все это было в игре Джули, но при том был еще и какой-то совсем особенный контрапункт, отчего банджо зазвучало у Джули завораживающе непривычно. Едва Джули коснулся струн, никаких других инструментов я уже не слышал, да, наверно, их уже не слушал никто. Ритм оставался джазовым, но сама музыка стала неузнаваема.

Потом произошло нечто уж вовсе странное. Джули нагнулся и выхватил из-под стула старую си-бемольную трубу. Ему не сразу удалось пристроить губы к мундштуку, но вот он справился и заиграл — не как виртуоз, а как человек, который ненавидит свой инструмент, зато отлично знает, что из него можно выжать. Фальшивые ноты были точно нервные, израненные пальцы, но они ровно ничего не меняли — Джули до конца использовал все транспонирующие возможности трубы (си-бемольная труба звучала в минорном ключе), и звучала она уж так непривычно, так не по-джазовому, что я подумал: может, он забыл, какой музыки от него ждут.

Но вот он снова взял кларнет, и на этот раз в его игре, кажется, не осталось вовсе никакой логики: гармония и структура самого джаза, казалось, вытянулись в своего рода математическое — нота за нотой — хитроумнейшее построение, и узнать в нем можно было лишь четкий, неизменный ритм, да и тот терялся в стремительном и яростном исполнении. Танцорам в конце концов стало не под силу следовать за музыкой, в зале вдруг все спуталось, раздался свист, улюлюканье. Почти все перестали танцевать, и сквозь шум прорвались выкрики:

— Попридержите его, черт возьми!

— Гоните его!

Джули ничего не слышал.

— Билли! Окороти своего психа, опять он зарвался...

Билли ничего не слышал. Несколько пар продолжали бешено отплясывать: что-что, а ритм Джули выдерживал. В сущности, подобно певцу в средневековом хоре, Джули, следуя заданной примитивной теме, импровизировал вовсю. Но долго так продолжаться не могло. Полдюжины шумных пар бросили танцевать, столпились перед Джули и махали руками и топали, пока он наконец не остановился. Когда Джули умолк, остальные музыканты сыграли еще два-три такта, словно гнались за ускакавшим конем.

— Не останавливайся, Джули! — заорал Боб Эндрюс.— Давай наяривай...

— Он чересчур гонит! Опять зарвался!

— Да пусть его...

В толпе заспорили. Кое-кто смеялся, но все еле переводили дух.

— Да не мешайте вы, только все испортили! — крикнула Норма Толмедж.— Оставьте его в покое...

Несколько минут Джули слушал с таким видом, будто его это не касается. Потом положил кларнет, встал и сошел с эстрады. В толпе вновь раздались крики — и одобрение и ругань,— казалось, Джули обиделся, но я-то знал: обижаться он не умеет.

— Джули...

Он увидел меня и подошел к вагончику, на перилах которого я сидел,— был он очень бледен и с трудом переводил дух, словно ему не хватало воздуха.

— Где ты научился так играть на трубе? — спросил я.— Ты ведь говорил, что не можешь выдуть из нее ни единого звука.

Труба меня ничуть не интересовала, просто у меня не нашлось дружеских слов, так потрясло меня все, что он сейчас творил.

— Билли опять мне ее одолжил. Но это дурацкий инструмент. На нем можно брать только верх и низ, для протяженности он не годится.

Я не понял, о чем он толкует. Но, наверно, он так говорил, исходя из своей причудливой вертикальной системы записи нот. И, думаю, он хотел сказать, что труба приспособлена для мелодии, а не для гармонии. Но я был польщен, что он пожелал хоть что-то мне пояснить. Я дал ему немного отдышаться — уж очень он скверно выглядел: не то устал, не то нездоров, и потом, станешь донимать его вопросами, пожалуй, повернется и уйдет. Танцоры разбрелись по уголкам потемней, они хоть и ворчали, но примирились с перерывом, а джазисты остались сидеть на своих местах, словно ждали, чтоб вернулся Джули.

— Знаешь, Джули,— сказал я по старой привычке тоном обвинителя,— не на тех ты инструментах играешь (мысль эта пришла мне в голову, пока я его слушал).— На них ты просто даром тратишь время.

Он только молча на меня взглянул.

— А на пианино ты не пробовал? — спросил я.

Джули пожал плечами, покачал головой.

— А почему?

— В пианино я ничего не понимаю,— ответил он.

— Так разберись,— сказал я.— Это единственный инструмент, который даст тебе все, что нужно.

— А мне ничего не нужно.

— Еще как нужно. Если ты по-прежнему хочешь сочинять музыку на свой лад, это можно только на пианино. Понимаешь ли...

Наверно, это была дурацкая затея. Где Джули достать пианино? У «Веселых парней» пианино было, но ведь Джули оно понадобилось бы совсем не для того.

— Тебе Скребок последнее время не попадался? — спросил он и тем самым решительно захлопнул дверь, ведущую к музыке.

— Нет, не попадался,— с досадой ответил я.

— Мне тоже,— продолжал Джули.— Говорят, миссис Бойд, кондитерша, выплеснула на него кастрюлю кипятка и ошпарила ему спину.

— Тогда он, верно, где-нибудь отлеживается,— сказал я, уступая желанию Джули кончить тот разговор.

— А может, его отравили,— сказал Джули.— Его все время пытаются отравить. Миссис Джонсон травила его в прошлую пасху.

— Возможно, возможно,— сказал я, окончательно потеряв надежду снова проникнуть за ту запертую дверь.— Похоже, в городе полно отравителей. Кто-то все время пытается отравить нашего Мики.

— Это потому, что кое-кто не любит твоего отца.

— Да неужели!

Джули изредка, бывало, вдруг заметит что-то простое, житейское и вот так сообщит тебе о своем открытии, ну, точь-в-точь как ребенок сказал бы, что солнце заходит каждый вечер.

— Ну, до свидания, Кит,— сказал он, соскочил с перил и пошел к «Веселым парням», утирая лицо крохотным платочком — уж конечно, не своим, а Нормы. И наверняка Норма нарочно оставила нас наедине — и сделала это ради Джули.

Я хотел еще послушать его игру, но остальные заиграли, а он просто сидел на стуле и не прикасался ни к одному инструменту. Ни дать ни взять нищий пациент в приемной врача. Сидит и ждет. И его острые локти и колени и драные туфли куда больше бросаются в глаза, чем ярко-синяя курточка,— поглядел я, поглядел, и вдруг захотелось уйти. Не желал я больше никакой музыки. Не желал видеть, что он тут с собой делает,— я-то ведь понимал: его привел сюда вовсе не джаз «Веселых парней».

Джули и здесь, как всюду, вел все ту же войну. Он по-прежнему сражался со своими духовными врагами с той злостью, что прорвалась у него зимой и так испугала его мать, с властью любовно обнимающих рук, со всем ужасающим гнетом набожности, царящим в этом добродетельном доме. То было не отступничество, но нескончаемая борьба, и, уходя из старого полутемного сарая, я все думал, какова-то будет окончательная, решающая битва Джули со всем тем, против чего он бунтует.

Перевела с английского Р. ОБЛОНСКАЯ.

Продолжение следует.

На открытии мемориального музея выступает первый секретарь Орловского обкома КПСС Ф. С. Мешков.

ПРИЕЗЖАЙТЕ В СПАССКОЕ

Многочисленные гости из разных уголков страны собрались в старинном парке Спасского-Лутовинова. Представители партийных и советских организаций Орловской области, писатели, литературоведы, любители литературы приехали на родину Ивана Сергеевича Тургенева, чтобы принять участие в открытии мемориального музея, разместившегося в восстановленном усадебном доме.

«Пишется хорошо, только живя в русской деревне»,— говорил Тургенев. Многие годы жизни Ивана Сергеевича связаны со Спасским-Лутовиновом. Здесь работал он над своими произведениями — романами, повестями, стихотворениями в прозе, отсюда пришли на страницы его книг неповторимые по красоте картины русской природы.

Парк в Спасском верно хранит память о писателе. Липовую аллею посадил Тургенев во время ссылки 1852—1853 годов, и зовется она «аллеей ссыльного», возле церкви сохраняется «беседка Рудина», где создавался роман, могучий дуб на центральной аллее был тоже посажен когда-то руками писателя. Тургенев очень любил свою усадьбу и, умирая вдали от родных мест, посылал ей прощальный привет. «Когда вы будете в Спасском,— писал он Полонскому,— поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу, родине поклонитесь, которую я уже вероятно никогда не увижу».

«Вам хотелось бы представить себе вид моего жилища?..— спрашивал И. С. Тургенев в письме к Г. Флоберу.— Это деревянный дом, очень старый, обшитый тесом, выкрашенный клеевой краской в светло-лиловый цвет; спереди к дому пристроена веранда, увитая плющом; обе крыши... железные и выкрашены в зеленый цвет...»

Дом в Спасском сгорел в 1906 году. И вот завершено его возрождение. В одиннадцати комнатах заняли свои места подлинные вещи писателя: письменный стол, диван «самосон», английские часы... И дом, и рабочий кабинет писателя, и библиотека встретят всех, кто побывает в Спасском-Лутовинове, такими, какими видел их Иван Сергеевич Тургенев в свое последнее посещение родных мест в 1881 году.

Фото В. Митрохина и Л. Тучнина

В дом Тургенева...

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

Ф. МИШИН,
артист Малого театра

Лидия Андреевна немногих одаряла своим вниманием, своей дружбой; я был среди этих счастливцев. Наша дружба продолжалась многие годы, начавшись еще до войны, в тридцать втором году; именно тогда мы познакомились с Руслановой на одном из концертов, и, как порой это бывает, общение с человеком необыкновенным стало для меня подлинной школой — и жизни и профессии.

Будучи студентом последнего курса театрального училища имени М. Н. Ермоловой, я был приглашен однажды читать «Гармонь» А. Жарова в большом концерте, который проходил в Колонном зале Дома союзов. Я и так-то волновался, идя на этот концерт, а войдя в артистическую и увидев Семенову, Москвина, Максакову, Блюменталь-Тамарину, совсем растерялся. А потом появилась в шубе нараспашку улыбающаяся женщина — артистка, которую раньше я никогда не видел. Она была из тех, кто сразу бросается в глаза, поражая своей яркостью. Эта яркость была во всем — в сияющем лице, сверкающем взгляде, в том, как она двигалась, стремительно и уверенно. Она со всеми поздоровалась, а проходя мимо меня, спросила:

— Из-за кулис будете смотреть?

Вид у меня, наверное, был такой растерянный, что она и подумать не могла, что я тоже буду выступать! Я почтительно ей поклонился, сразу поняв — хотя, как уже говорил, никогда не видел ее прежде,— что это Русланова. Сам не знаю, почему понял: скорее всего по тембру голоса и по внешнему облику, который в чем-то этому голосу удивительно соответствовал.

Михаил Наумович Гаркави объявил порядок концерта.

«Студент пойдет вторым номером, за скрипачом Крейном»,— сказал он обо мне. И тогда Лидия Андреевна посмотрела на меня, теперь уже с любопытством и хитрой улыбкой.

На сцену я вышел, дрожа от страха, и, собрав все силы, как мог задорнее начал читать: «Гармонь, гармонь! Гуляют песни звонко...» Публика тепло приняла мои старания... Я ушел со сцены в изнеможении, но еще не успел присесть, как ко мне подбежал Гаркави:

— Идите кланяйтесь!..

Смущенно я стал отказываться. Тогда Лидия Андреевна сказала:

— Молодой человек, нельзя пренебрегать публикой. Идите и поклонитесь ей.

Устыдившись при мысли, что можно подумать, будто я высокомерно отношусь к зрителям, я вышел и прочитал еще одно маленькое стихотворение Жарова — «Письмо». Но замечание Лидии Андреевны навсегда внушило мне мысль, что не публика приходит меня слушать, а я прихожу читать для публики.

Окрыленный успехом, я попросил у Гаркави разрешения посмотреть концерт из-за кулис. Он позволил, и я весь вечер провел не помня себя, завороженный мастерством великолепных артистов.

В конце концерта, когда Гаркави начал было объявлять: «Выступает исполнительница русских народных песен»,— зал, не дав конферансье даже и договорить, сразу взорвался аплодисментами.

Перед выходом Лидия Андреевна преоб-

разилась: она стала какой-то по-особому подтянутой, словно озаренной. На ней был русский костюм — плисовая душегрейка со сборками, вышитая кофта, на голове венок. На сцену она вышла быстро, стремительно, ничуть не теряя в этой стремительности своей русской стати. Вышла, остановилась и низко, величаво поклонилась публике. Свое выступление Русланова начала песней «Средь высоких хлебов затерялося»... А дальше пела она много и охотно: «Светит месяц», «Коробейники», «По улице мостовой»... Пела задорные, веселые частушки, которых знала великое множество.

Песни следовали одна за другой. На сцене стояла вроде бы все та же самая Лидия Андреевна Русланова, но с каждой песней что-то неуловимо в ней менялось. И не только потому, что одна песня была грустная, а другая веселая. Русланова не просто пела песню, а рассказывала голосом, глазами, позой, движением рук историю любви и страданий героев... И сколько же находила она неожиданных переходов, чтобы вышло на первое место именно содержание песни. Ведь часто так случается — особенно с популярными произведениями,— что песню переживаешь только музыкально, почти забывая ее содержание. Для певицы же было важно, чтобы слушатели стали как бы одновременно зрителями: увидели бы хлебородные нивы, где упал замертво герой песни «Средь высоких хлебов», а в «Коробейниках» — ту высокую рожь, которая должна свято сохранить сердечную тайну двух любящих... В песне «По улице мостовой» слушатель обязательно должен был увидеть, как лихой парень догоняет девицу-красавицу и как, хоронясь от людских глаз, ведут они свой счастливый любовный сговор...

Много раз я слышал в исполнении Лидии Андреевны одни и те же песни; всегда я любил их и хорошо знал. И поэтому мне было удивительно, что одну и ту же песню она никогда не пела одинаково. Хотя в изменениях этих не было ничего придуманного, искусственного. И всегда думалось: как же хорошо надо знать и чувствовать душу народа, чтобы так свободно ощущать себя в самой стихии русской песни, в ее пленительной атмосфере!

РУССКАЯ ПЕВИЦА

Эта свобода актерского существования в мире народной песни и завораживала аудиторию. На двадцатипятилетнем юбилее Театра имени Вахтангова в зале сидела самая изысканная театральная публика, как говорится, весь цвет Москвы. В концерте пели И. С. Козловский, играла К. А. Эрдели, участвовало много других прославленных мастеров. И всех публика принимала восторженно. Но стоило только объявить: «Выступает Лидия Андреевна Русланова»,— как в зале будто пламя зажглось, все зашевелились, заволновались... Как всегда, Русланова вышла в русском костюме, для начала спела «Меж крутых бережков», а потом еще и еще пела и пела... И весь зал самозабвенно аплодировал ей.

Сидевший рядом со мной Михаил Михайлович Тарханов сказал:

— Какой же дьявольской силой обладает эта простая русская женщина! Ведь она притягивает, как магнит!..

Магнетизм пения не исчезал, а может быть, еще больше увеличивался, когда Лидия Андреевна пела за столом, в домашней обстановке. Я помню, как слушал ее в гостях у Евдокии Дмитриевны Турчаниновой, с которой они были большими друзьями. Дома или в гостях Лидия Андреевна чаще всего пела русские романсы: «Ямщик, не гони лошадей», «Не пробуждай воспоминаний», многие другие... В тот вечер после романсов Надежды Андреевны Обуховой, которая тоже была у Турчаниновой в гостях, Русланова спела бесхитростную народную песню «Дайте лодочку-моторочку», чем привела гостей, в том числе и Обухову, в неописуемый восторг.

— И откуда вы берете такие интонации зажигательные, такой тон сердечный...— проговорила задумчиво Евдокия Дмитриевна.

— У народа... Вы же знаете, какое детство было у меня!

А детство у Лидии Андреевны было такое тяжелое, какое только можно себе представить. Когда отца забрали в царскую армию, мать вскоре после этого умерла; остались сиротами две сестры и их брат, да была еще у них слепая бабка... И пошли они нищенствовать. В богатом доме, бывало, Лиду спросят:

— Ну, а ты, черноглазая, что умеешь?

— Зайцем кричать, лягушкой скакать, песни петь...

Вот за эти песни да за пляски, бывало, и накормят ребятишек и даже оденут кое во что. А когда бабка умерла, был детский дом... Но и там пела Лидия Русланова!.. Пела самоучкой. Только уже потом, много позже, прошла она школу пения у оперной артистки Е. И. Збруевой и профессора М. К. Медведева. Правда, они-то готовили ее к оперной сцене; однако Русланова навсегда оставалась верна русской народной песне.

Быть может, потому еще пение ее так завораживающе действовало на слушателей, что чувствовалась в нем цельность, неразрывность человека и артистки: она была доброй русской душой... Она была хлебосольной и приветливой хозяйкой. Охотно откликалась она на приглашения друзей, хотя всегда была страшно занята и концертами и, самое главное, подготовкой к ним. Но, придя в гости, чтобы навестить

тех, кто ее любил, она вмиг очаровывала всех незнакомых людей, легко поддерживая беседу, слушая песни других... Как же легко и весело умела она откликнуться на выдумку, шутку, розыгрыш!.. Однажды она должна была прийти ко мне на семейное торжество. Мы решили встретить ее по русскому обычаю хлебом-солью и песней. Когда раздался звонок, жена моя взяла в руки приготовленный поднос, покрытый старинным рушником, мы с сыном стали рядом, за нами — гости. Дверь распахнулась, и мы увидели Лидию Андреевну; меховая шуба и пуховый белый платок делали ее похожей на сударушек-боярушек из русских сказок и былин. Гости грянули «По улице мостовой...». При словах «Ходит парень молодой» сын бросился ухаживать за гостьей, помогая ей раздеться. Но оказалось, что ее ни на миг не смутил этот необычный и неожиданный прием: она тотчас же включилась в игру, а на старания «молодца» ответила озабоченно: дескать, ты, парень, всем бы хорош, да только для меня больно молод!.. И сама рассмеялась, и все вокруг рассмеялись тоже... И весь вечер Лидия Андреевна была весела, остроумна, обворожительна, успевая каждому сказать доброе, приветливое слово.

В тот вечер сама она петь не смогла, и тогда мы поставили ее пластинки. Мы слушали «Степь да степь кругом» и наслаждались, а Русланова вдруг сказала, что в этой записи песня звучит неправильно, что последние ноты надо брать сильней! С ней стали спорить, всем казалось, что запись сделана очень хорошо. Но Лидия Андреевна все-таки осталась при своем мнении. А я уже тогда почувствовал, что спорила певица не только из-за постоянной требовательности к себе, но еще и как большой художник, в чьем творческом сознании песня — и эта и любая другая — продолжала жить, не останавливаясь, живой, а не застывшей жизнью. Поэтому-то в каждый миг сама певица слышала и пела свои песни совершенно по-другому.

Шли годы. Популярность Руслановой росла. По-прежнему публика не давала договорить конферансье ее имени, сразу же обрушивая в зале гром аплодисментов. И выходила на сцену Русланова величаво, как царица. Да ведь она и была царицей русской песни! С достоинством и гордостью несла она в себе это высокое искусство. И сколько бы раз ни доводилось слушать в ее исполнении частушку, припевку или драматический рассказ о судьбе русского человека, загнанного судьбой, каждый раз заново переживалось все то, о чем рассказывала певица... Происходило то, что даже и самому себе нельзя было объяснить: будь то суровый воин, либо строгий академик или простая деревенская женщина — все одинаково попадали под власть ее искусства, под власть ее личности, под власть той великой творческой силы, которой движется в истории народ.

Русланова несла в себе эту духовную силу. Она сама держалась ею и передавала ее своим слушателям.

С самых первых дней войны пела она, участвуя в тех фронтовых бригадах, которые обслуживали передовые позиции. Она, как солдат, с песнями дошла до Берлина, до рейхстага. И там, на его ступенях, пела солдатам-победителям русские народные песни. Можно сказать, что она воевала вместе с солдатами и не только песнями. На ее средства была создана батарея «катюш», и в опытных руках артиллеристов они тоже «пели» по-своему дружным хором...

Все ее любили. Целые города стояли в очереди на ее концерты. И, выходя на сцену, она отдавала свою душу людям. В консерватории, в цехе завода или Зеленом театре парка культуры — мощный голос ее нигде не нуждался в микрофонах! И каждый его звук находил отклик в сердцах людей.

Возле ее могилы на Новодевичьем кладбище я всегда вижу толпу народа. Незнакомые между собой люди вспоминают о том, как пела Русланова.

И тропа к ней не зарастает...

Петр НЕФЕДОВ

Зеленые холмы

ДВЕ СТРОКИ

Из записной потертой книжки
Две строчки...
А. Твардовский.

Две строки поры военной
Из блокнота моего,
Словно памяти священной
Над забвеньем торжество.

Две строки, как потрясенье,
За которым — боль и мрак:
«Ныне, в ночь на воскресенье,
Перешел границу враг...»

Дней тех грозных лозывными
Все звучат они с тех пор,
Две лишь строчки, а за ними —
Смерть, глядящая в упор.

ИДУЩИМ ВСЛЕД

Вам, пришедшим после нас, пишу я
Из того сверкающего дня,
Где весна победная бушует
И фанфары медные звенят.

Я пишу, а вас еще и нету,
Только знаю, что придете вы...
По всему ликующему свету
Плещут волны радостной молвы,

Что война закончилась в Берлине,
Там, откуда и пошла она.
И на веки вечные отныне
Над землею мир и тишина.

Вы, читавшие о сорок пятом,
Вы должны и через много лет
Поклониться до земли солдатам,
Тем, что живы и которых нет.

Поклонитесь им земным поклоном
За великий ратный подвиг их.
По взводам, полкам и батальонам
Мысленно пройдите мимо них.

Им, отцам и дедам, поклонитесь,
Тем, кто жизнь и Родину вам спас,
Поклонитесь, но и поклянитесь
Быть во всем похожими на нас.

Мир хранить и, словно эстафету,
Не сбиваясь с верного пути,
Эту нашу майскую победу
Поколеньям будущим нести,

Чтоб и там, за много лет отсюда,
Словно солнце из кромешной
тьмы,
Вечно бы сияло это чудо,
Что свершили в сорок пятом мы.

●

...А может, больше ничего и нет?
И жизни нет другой, чем наша
с вами?
И зря мы гоним полчища ракет
На встречу с неземными
существами?
Их нет, откуда быть им? Боже мой,
По образу людскому и подобью
Мы смело сочиняем мир иной.
А кто-то молча смотрит
исподлобья
На тщетные усилия землян.
И вдруг сверкнет улыбкой
грозовою
И грохнет так над самой головою,
Что, кажется, весь шар наш —
пополам!..

Шумят дожди, июль в зенит идет,
И нет движенью никаких заслонов.
И, словно в дом свой, снова
в звездолет
Спокойно входит Алексей
Леонов...

А я храню тепло его руки,
Руки художника и космонавта...
Миры иные, как вы далеки!
Но мы придем к вам. Не сейчас,
так завтра.

О РОДИНЕ

Лесных озер голубизна
И небо голубое.
Как будто снова нам весна
Подарена с тобою.

Горит на солнце каждый лист,
На изумруд похожий.
Домашний аист, как артист,
Позирует прохожим.

Плывут зеленые холмы,
И крышами цветными,
Как на шкатулках Хохломы,
Блестят дома меж ними.

И воздух чист, и ясен свет,
И даль вокруг такая,
Что кажется, прекрасней нет
На всей планете края.

Оно, конечно, так и есть
Для вышедших отсюда,
Для тех, кто жил и вырос здесь.
И нету в этом чуда.

А чудо в том и сила в том —
От всяких бед утеха,
Что сердце помнит отчий дом,
Куда б ты ни уехал;

Что только родина дана
В наследство человеку.
И что она всегда одна
От роду и до веку.

гастроли

БИЛЕТЫ ПРОДАНЫ...

Невольно бросалась в глаза эта табличка на кассе театра в Москве в дни гастролей Горьковского театра юного зрителя имени Н. К. Крупской. Побывав на одном спектакле, хотелось прийти еще. Я слышала, как в фойе театра одна девчушка говорила другой: «Нет, в «Десятиклассниках» этот артист лучше играет!..» Завсегдатаи сравнивали, спорили, обсуждали...

Почему же такую любовь заслужил театр у взыскательного московского зрителя?

На спектаклях мне вспоминались слова известного польского педагога и писателя Януша Корчака: «...дети — князья чувств, поэты и мыслители». И было такое ощущение, что именно эти слова взял себе девизом Горьковский ТЮЗ. Широк его репертуар — только на гастроли было привезено десять спектаклей. Разных жанров, разных авторов. «Бумбараш», «Прощание в июне», «Сказка о царе Салтане», «Двенадцатая ночь», «Мещанин во дворянстве». Да все и не перечислишь.

А в планах театра — «Конек-Горбунок» П. Ершова, «Принц и нищий» по М. Твену. Есть и другие замыслы. О них в беседе со мной помощник главного режиссера по литературной части В. Г. Миодушевский просил пока молчать... Важно, что театр все время в поиске. Ищет «своего» автора среди горьковских драматургов и среди драматургов из других городов; ищет новые пьесы об истории страны; пьесы героические, проблемные, лирические... Ищет формы подачи пьес. В афишах значится: «героическая композиция», «музыкальное представление для детей и взрослых, не забывших своего детства», «музыкальная сказка», «фильм-спектакль»...

Неустанное дерзание приносит плоды.

Театр показал на гастролях комедию А. Вампилова «Прощание в июне», которая идет обычно на подмостках взрослых театров. Не побоялись тюзовцы заговорить с юношеской аудиторией остро и откровенно (постановщик — главный режиссер театра Б. А. Наравцевич).

Собираясь в общежитие на свадьбу, студент Колесов (его играет артист А. Водопьянов) и не думал, что произойдет стычка с ректором (заслуженный артист РСФСР А. Палеес), которая перевернет всю его жизнь; из института придется уйти, а потом вернуться, предав любимую девушку (артистка О. Офрова).

Театр ставит вопросы, поднимает извечные темы: отцы и дети, честь и совесть, преданность и взаимопонимание в любви... Многие нравственные проблемы тут затронуты. Четок и точен актерский рисунок ролей, определенны акценты. Поэтому так горячо и воспринимается спектакль; юный зритель задумывается над жизнью.

Весело принимают малыши музыкальное представление «Разноцветные страницы» по С. Маршаку. Театр делает ребят своими соучастниками, предлагая вместе играть — в день рождения и в поезд, в зоопарк и цирк...

Театр не пугается такого жанра, как мюзикл, однако наполняет его весомым содержанием. «Двенадцатая ночь» В. Шекспира идет в карнавальных традициях.

Ощущение праздника в спектаклях горьковских тюзовцев создают яркие работы московского художника С. Бархина, в содружестве с которым работает театр.

С чем-то можно не согласиться, поспорить, посмотрев спектакли этого коллектива. Но все время тебя, зрителя, не покидает радость встречи с настоящим искусством.

Л. НАТОЧАННАЯ

Сцена из спектакля «Разноцветные страницы». Фото А. Ягудаева.

тв

ВЕЧНОЕ СЛУЖЕНИЕ

...Своего первого пациента врач Александр Иванович Евдокимов принял в 1901 году.

...Замечательная актриса Елена Митрофановна Шатрова, умершая прошедшим летом, сыграла свою первую роль в 1910 году в Харьковском театре у Синельникова.

...Горный инженер Сергей Алексеевич Луппов впервые спустился в шахту в 1910 году на Урале.

...Учитель Анастасий Фотиевич Лызлов дал свой первый урок в 1908 году. В школе, где когда-то преподавал Анастасий Фотиевич, работают сейчас дети его учеников...

Так начинается новый документальный телевизионный фильм «На старости я сызнова живу...» (творческое объединение «Экран», сценарий Н. Филатовой, режиссер В. Викторов, оператор В. Мелетин).

Герои прожили долгие годы, многое испытали, несмотря на преклонные годы, продолжают трудиться. Их жизнь тесно связана с историей нашей страны и сама есть страница ее истории.

Авторы фильма показывают, что герои живут не спокойными созерцателями, а активными участниками событий, не боятся трудностей и не бегут от них. Никогда не были эгоистами, всегда много и вдохновенно трудились.

Люди разных профессий, разных взглядов и представлений о счастье, о долге, о жизни вообще, они охотно делятся своим богатым опытом с молодыми. Уважают молодых за то, что они многое могут и умеют лучше, чем могли и умели когда-то сами герои — люди высокого духовного начала и вечного служения.

Т. ТРОИЦКАЯ

Кадр из фильма.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

В «Огоньке» № 2 за 1976 год был напечатан очерк Б. Гусева «А знали все...», рассказывающий о диком, из ряда вон выходящем случае: четырнадцатилетний мальчик Игорь Федотов из поселка Угловки, Новгородской области, доведенный до отчаяния пьянством и драками родного отца, убил его. Пошел в милицию и признался в совершенном преступлении.

В редакцию пришло много писем-откликов. Мнения разные, порой спорные. Иные пытаются оправдать Игоря: «Довели его... Не мог иначе» (**А. ФИНК, Э. и Г. ИЗЫМБАЕВЫ, П. ДУБОВОЙ** из Кокчетавской области Казахской ССР; **КОЛЛЕКТИВ РАБОТНИКОВ «ДОНГРУЗАВТОТРАНСА»** из Донецка; **В. ГЕВОРГЯН** с Разданской ГРЭС; **Н. ХОЛИН** из гор. Киреевска Тульской области; **Н. ФИЛИМОНОВА** из села Шангалы Архангельской области и другие). Авторы других писем (**Е. ЕРМАКОВА** из Ташкента, **В. СЕМЫКИН** из Пакрушихинского района Алтайского края, девушка из Архангельской области, не пожелавшая указать свою фамилию и адрес) считают, что у Игоря «злодейское сердце», что, невзирая «на все обстоятельства», «надо считать его преступником».

Но авторы всех писем единодушно и гневно говорят о величайшем зле — о пьянстве, единодушно и гневно пишут об отце Игоря, о Федотове, пьянице, издевавшемся над семьей (**Н. МАЛЬЦЕВА** из Кунгура; **А. БРАЙЧЕНКО** из Омска; **К. ТЕНДРЯКОВА** из Перми; **В. КРИВОШЕЕНКО**, рабочий совхоза «Рассвет» из Волгоградской области; акушерка **Т. СИДОРШИНА** из Грозного; **Г. ГЛУШКОВ** из Зарафшана, Узбекистан, и многие другие). Авторы требуют более суровых мер борьбы с пьяницами, предлагают в этой связи внести коррективы в законодательство. **А. БРАЙЧЕНКО** считает, что назрел такой вопрос: людей, подобных Федотову, насильственно изолировать от общества.

Гневно обрушиваясь на пьяниц и пьянство, некоторые читатели справедливо ставят вопрос об ответственности органов милиции (порой либеральничают, попустительствуют, уклоняются от разбора заявлений жен, детей), хозяйственных и общественных организаций. На словах они, конечно, клеймят позором пьяниц и пьянство. А практически?

В. КРИВОШЕЕНКО: «Сами администраторы нарушают закон, позволяют пьянствовать таким, как Федотов. Федотовых надо увольнять с работы, указав в трудовой книжке: «Уволен за пьянство».

Т. СИДОРШИНА: «Судить надо было и учителей, которые знали обо всем, что происходит в семье Федотовых, и начальника цеха Красовского, где работал Федотов, и председателя исполкома...»

В письмах — раздумья, проблемы, вопросы.

Мы познакомили с этими письмами автора очерка **БОРИСА ГУСЕВА** и попросили его прокомментировать некоторые из них.

«А ЗНАЛИ ВС

Борис ГУСЕВ

* * *

Прежде всего хотелось бы ответить на вопросы, поставленные в письмах родных убитого В. Федотова. В общем-то, по-человечески можно понять их попытки как-то защитить брата, нелогично, непоследовательно, но защитить. Но несмотря на запальчивость, с которой инженер **Н. Федотов** пытается отстоять честь семьи, он своим письмом лишь подтверждает приведенные в очерке факты, хотя дает им свое истолкование. Так, например, пытаясь опровергнуть факт истязания В. Федотовым своего сына, Н. Федотов пишет: «Он (брат) схватил Игоря и постегал шлангом». И вроде в том нет ничего худого. Известно, однако, к каким последствиям могут привести удары, нанесенные резиновым шлангом. Не случайно на крики мальчика прибежали соседи из другой квартиры. В том же духе и остальные «опровержения». Н. Федотов признает, что брат его пил и дома и во время работы, признает, что не раз был свидетелем драк между супругами Федотовыми: «Я... хватал Виктора (то есть брата) за руки и оттаскивал в сторону». Пытаясь снять с родственников покойного брата моральную ответственность за происшедшую трагедию, Н. Федотов все же признает, что надо было активно вмешаться и не допустить отцеубийства. «Вот только в этом вина родни Федотова В. М.»,— пишет он. Я тоже считаю, что родные Федотова со стороны отца должны были принять все меры и не допустить трагедии. Какова же их позиция? В статье приводился факт, когда пьяный В. Федотов решил насильно постричь мальчика, привязал его к стулу и выхватил ножницами клок волос. Не отрицая этого случая, сестра пишет: «А что же было делать брату, если Игорь не послушался отца и не пошел в парикмахерскую?» (Пишет это учительница.) Можно жалеть покойного брата, но оправдывать подобное не надо. Тут бы, напротив, себя укорить хотя бы признанием: «Жалею, что не вмешалась». Детей в маленьком возрасте иногда водят насильно в парикмахерскую. Но Игорю было 14 лет, а отец проводил «воспитательное мероприятие», будучи пьяным. Нужно ли доказывать всю жестокость, безнравственность поступка отца?

Но в письмах и сестры и брата Федотова есть одно справедливое обвинение — оно адресовано матери Игоря, Александре Яковлевне. Ее обвиняют в том, что она настраивала сына против отца («Вот вырастет Игорь, он тебе за меня отомстит»,— говорила она). Да, это так! Но эти слова ее приводились и в очерке. И хотя они произносились в тот момент, когда Федотов затевал очередную драку, мать должна была понимать, к каким последствиям могут привести эти слова в душе впечатлительного подростка. Некоторые читатели обвиняют Александру Яковлевну также и в том, что она вместо того, чтобы развестись с мужем, делала сына свидетелем подобных сцен. Одна из читательниц пишет: «Мать Игоря все это терпела, стараясь сохранить семью. Но семьи-то уже не было. И косвенно она тоже виновата в том, что случилась такая трагедия». И тут же ставится вопрос о женах, которые готовы сносить побои, оскорбления, издевательства пьяного мужа, только бы «не выносить сор из избы», только бы «не ушел он от меня. Уж какой ни есть, а мой...».

Да, мать Игоря тоже во многом виновата. Автор очерка — на той же позиции. И тем не менее бесспорным остается факт: избиение матери на глазах сына привело к ответной ужасной жестокости мальчика, поднявшего руку на родителя. Этому нет оправдания, и суд справедливо приговорил Игоря Федотова к четырем годам воспитательно-трудовой колонии. Для четырнадцатилетнего мальчика это достаточно серьезное наказание.

Многие авторы писем считают, что Игоря вообще следовало оправдать. Об этом, в частности, пишет **К. П. Тендрякова** из Перми: «Мне от всего сердца жаль Игоря Федотова и его мать... Надо иметь стальные нервы, чтобы каждый день терпеть пьяницу...» Она рассказывает и о своей тяжелой жизни: «Мой муж тоже пьет... Раньше, бывало, специально прошусь меня ставить в ночную смену, уйду на работу, сына уложу спать в кабинете начальника цеха... Алкоголь взял силу над многими людьми. Я знаю, вы будете меня опровергать, но мы сами виноваты — нянчимся: прогулял и ладно».

Зачем опровергать? Это так. О добреньком отношении к прогульщикам-пьяницам пишут многие: библиотекарь **Полякова** из Вязьмы; **Александрова** из Липецка («Пьяниц нужно изолировать от общества. Считаю необходимым усилить наказание за разбой в семье, не ждать, пока другие мальчики поднимут руку на отцов. А Игоря строго судить нельзя»); **Попова** из Майкопа («Да будут они прокляты, алкоголики!»). «Терпеть пьяниц не только в семье, но и в нашем обществе нельзя»,— пишет **Рябова** из Калужской области. «Законы по отношению к пьяницам, деспотам-отцам слишком гуманны. От этой гуманности страдают женщины, дети» (**Филимонова** из Архангельской области).

Большинство авторов писем — женщины. Но есть отклик и ровесников Игоря: 14-летняя **Вера Архипова** из Иркутской области, защищая Игоря, пишет: «У нас в семье бывают такие же скандалы. Что мне делать?»

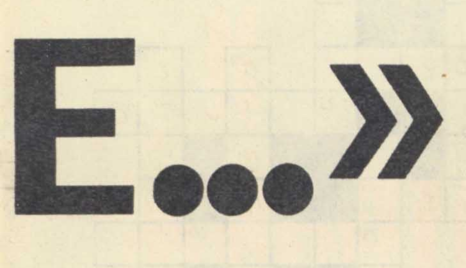
Что делать именно ей, Вере Архиповой, посоветовать трудно, надо знать все обстоятельства. Но одно можно сказать: не молчать! Идти в милицию, к прокурору, к директору школы. Есть закон. И все мы ему подвластны, в том числе и отец Веры. И если ты, Вера, в своем маленьком мирке не находишь справедливости,

кликни клич. У тебя нет иного выхода. Тот «выход», который нашел Игорь,— тяжкое преступление.

Все авторы писем разными словами высказывают одну и ту же мысль,— надо усилить борьбу с пьянством и хулиганством.

Но вот вопрос: в каком направлении должно идти это «усиление борьбы»? Это самый главный вопрос. Здесь важно найти, если так можно выразиться, точный акцент. Всякое зло преодолимо, но важно найти точку приложения сил для борьбы с ним. Со страниц газет и журналов не сходит тема равнодушия: «Не проходите мимо!». Упрек тем, кто проходит мимо зла. В печати приводились самые различные факты: от подростка у пивного ларька до случаев злостного хулиганства на улице. И страстные призывы: «Не будьте равнодушны. Пресекайте! Вмешивайтесь! Наводите порядок».

Что можно возразить против этих, несомненно, разумных призывов? Можно было б сыронизировать: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Но разве мы не читаем

сообщений об отважных кассиршах сберкасс, задержавших вооруженных грабителей? Разве мы не читаем указов о награждении, иногда, увы, посмертно, героев-дружинников?

Есть ситуации, когда каждый человек обязан вмешаться и пресечь зло или хотя бы попытаться сделать это. Но в повседневной жизни мы, как правило, встречаемся не с ужасными, из ряда вон выходящими случаями (бандитский налет, насилие, открытый грабеж), а с обыденными неприятностями, в которые порой люди попросту не хотят вмешиваться. И дело тут вовсе не в равнодушии. Группа подростков нагло ведет себя в трамвае, троллейбусе или бранится на улице, задевая прохожих. Вмешаться — это значит как минимум испортить себе вечер. Наглое поведение вас возмущает, но вы порой сознаете полную бесперспективность вашего вмешательства. В милиции подростков отпустят, в лучшем случае записав их адреса (ведь прямого состава преступления нет).

...На улице пьянчуга бранится нецензурно. Что я должен делать? Сказать ему: «Ай, как нехорошо!» Да он и сам знает, что нехорошо, а карманный воришка знает, что воровство — преступление. Взять хулигана за шкирку и тащить в милицию? Но он, допустим, сильнее меня. Бежать за постовым? Но теперь вместо постовых ездят машины с вертушками на крыше. Поди-ка лови ее...

Рассуждения о том, что хулиган всегда труслив, не очень серьезны. Во-первых, не всегда. Во-вторых, он может черкануть по лицу бритвой и скрыться.

Другой случай. Вы узнаете, что в соседнем подъезде систематически происходят семейные сцены с дракой, битьем посуды и т. п. Как тут быть? Прийти в чужую семью — и что? Милиция избегает вмешиваться в подобные истории, так как на суде или во время следствия жена простит мужа, попросит дело прекратить. Так в общем-то случилось и с семьей Федотовых. О семейных скандалах действительно знали все. Жену Федотова уговаривали уйти от изверга-мужа. Но повторяю: в семейные драмы не очень-то и вмешаешься. Таким образом, если мы спокойно, с реалистических позиций взглянем на положение вещей, то поймем, почему благородный призыв «Не проходите мимо!» часто не срабатывает. Но это вовсе не означает ни равнодушия большинства граждан, ни отсутствия гражданственности у них.

Каждый из нас знает, что для поддержания общего порядка в городе существует моя милиция, которая меня бережет. Для этого у нее есть арсенал средств, полномочия, профессиональные знания. Последнее — весьма важное обстоятельство. Если при мне хулиганы избивали человека, а я юркнул в подворотню, милиция вправе укорить меня за трусость, невмешательство. Но если я вижу, что в районе или городке часты нарушения правопорядка, я вправе спросить с милиции: товарищи, как же так? Когда вы наведете должный порядок? Вы отвечаете за это в первую очередь.

Итак, мимо массы мелких нарушений, из которых, кстати, рождаются крупные, люди порой проходят, сдерживая свой гнев. С досадой и болью, но стараясь не вмешиваться: одни—наученные горьким опытом, другие — по робости или даже из страха ни за что ни про что получить удар в лицо. Но никто или почти никто — из-за равнодушия. Напрасно мы приписываем нашим людям это отрицательное качество — его нет! В народе накопился гнев против хулиганов, мазуриков, разнузданных и злостных людишек, пьяниц, вредителей нашей жизни. Созданы кинопроизведения («Обвиняются в убийстве», «Преступление»), в которых вопрос ставится с жесткой реальностью: всякие поблажки, демагогические рассуждения о «гуманном» отношении к преступникам на деле неизбежно приводят к страшным последствиям — тяжким преступлениям против личности, а значит, и против общества в целом.

По долгу службы мне в прошлом году пришлось знакомиться с уголовным делом об изнасиловании и зверском убийстве в Петрозаводске шестнадцатилетней школьницы Н. Дело рассматривалось Верховным судом Карельской АССР. Преступление было совершено в ночь на 1 января 1975 года в центре города. Группа несовершеннолетних подростков затащила девочку в подвал дома. К ним присоединился двадцатидвухлетний, четырежды судимый за тяжкие преступления рецидивист, который и добил жертву, стремясь замести следы. Уже сам факт, что 22-летний парень успел четырежды судиться и оказаться на свободе, свидетельствует о неверном применении УК РСФСР. Закон гибок и дает возможность применять досрочное освобождение. Но всему есть предел. Досрочно освободили рецидивиста, а он сбил с пути, толкнул на тяжкое преступление трех подростков. Надеялись, что здоровая среда благотворно повлияет на досрочно освобожденного. А получилось так, что в здоровую среду был внесен вирус преступности. И он «увел» от нас троих. Теперь, судимый по двум статьям — зверское изнасилование и убийство, совершенное при отягчающих вину обстоятельствах (за каждое в отдельности он мог по закону быть приговорен к расстрелу), преступник получил 15 лет. Публика, выслушав приговор, открыто проявила свое недовольство. Я слышал реплики: «За что же тогда расстреливать?»

Когда я поделился этими мыслями с одним писателем, он сказал: «К чему вы призываете? Писатели всех времен ратовали за гуманность. Сам Л. Толстой протестовал против смертной казни».

Да! Толстой протестовал против казни несчастных крестьян, которые, не имея земли, шли отбирать помещичью землю. А тут речь идет о 22-летнем бандите-насильнике, имевшем все возможности жить честной трудовой жизнью, но пожелавшем стать на путь преступления.

После вынесения приговора мы с председательствующим вновь просмотрели уголовное дело. Судья был явно озадачен реакцией публики. Он был смущен тем более, что фотографии, приложенные к делу, и показания преступников воспроизводили весь ужас происшедшей трагедии. Судья сказал буквально следующее: «Да, конечно, можно было применить и высшую меру, но это сейчас не в моде». (Впоследствии, насколько мне известно, приговор этот был опротестован за мягкостью наказания.)

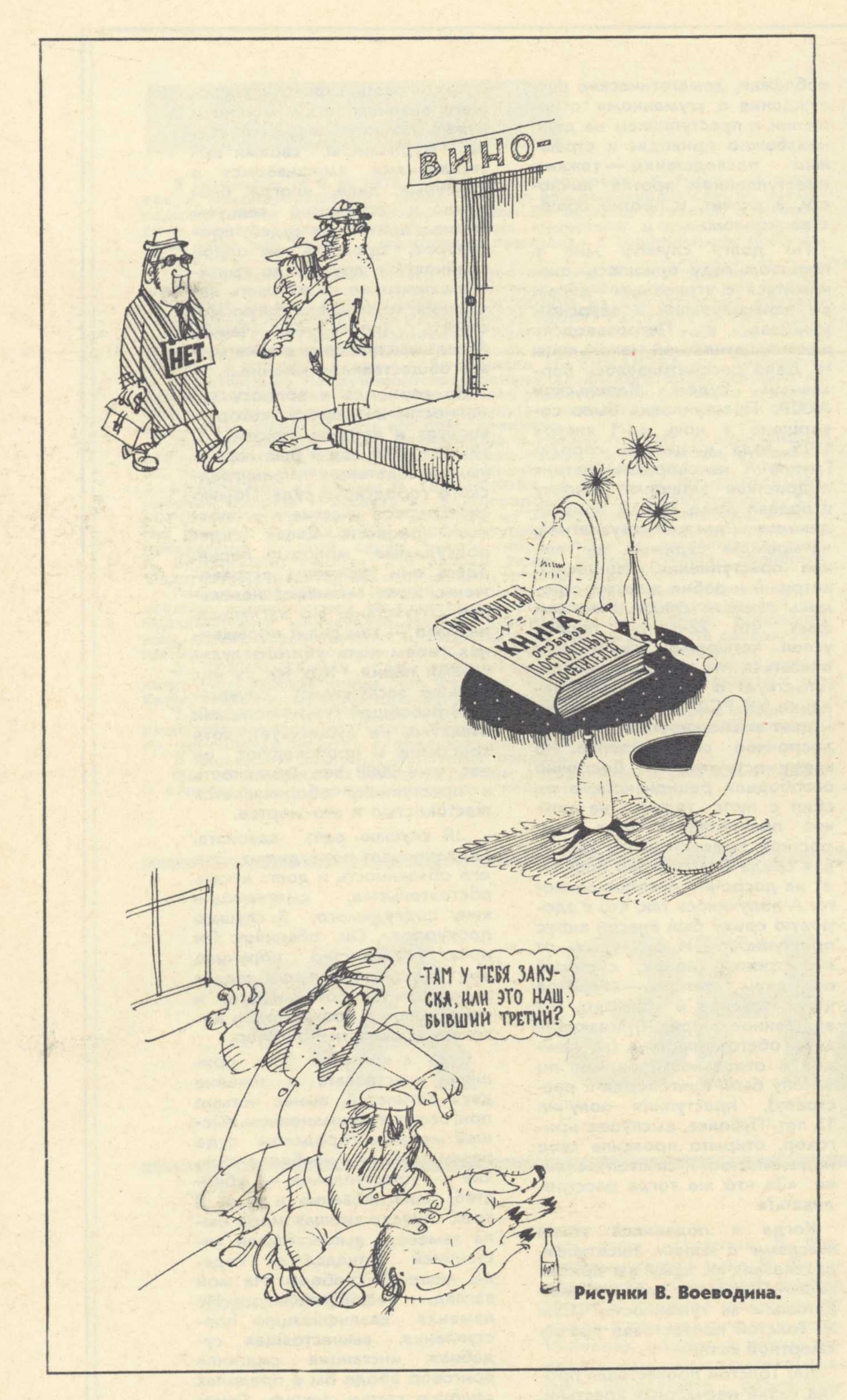
Критиковать судью, следующего веяниям моды, можно и нужно. Но порой мы, литераторы, журналисты, своими выступлениями вмешиваемся в судебные дела, иногда бездумно и неграмотно толкуем законы, критикуем судей, прокуроров, бросаясь из одной крайности в другую: то критикуем приговор за мягкость наказания, то за чрезмерную жесткость (последнее чаще). А ведь выступление в печати — это общественное мнение...

Но вернемся к вопросу гуманности, к вопросу, который волнует и авторов писем. С 1958 по 1968 год я был народным заседателем Ленинградского городского суда. Помню свое первое участие в уголовных процессах. Слева сидят подсудимые, молодые парни. Здесь они удручены, встревожены, даже вызывают невольное сочувствие. Но взглянешь направо — там сидит пораженная горем мать убитого хулиганами парня. Кто же из них больше заслуживает сочувствия? Всеобщей гуманности, как известно, не существует, хотя христиане и проповедуют ее вот уже 2000 лет. Гуманность к преступнику оборачивается жестокостью к его жертве.

...Я слушаю речь адвоката. Он защищает подсудимых. Это его обязанность и долг: искать обстоятельства, смягчающие вину подсудимого. Я слушаю прокурора. Он обвиняет. Он прав: государство поручило ему обвинять! А наша задача выслушать и обвиняемого, и свидетелей, и прокурора, и адвоката и вынести приговор.

Суд, в котором мне пришлось участвовать в течение двух пятилетий, вынес четыре приговора с применением высшей меры: в городском суде рассматривали наиболее тяжкие преступления — убийство, изнасилование и т. п. В трех случаях высшая мера была заменена вышестоящей инстанцией пятнадцатью годами лишения свободы. На мой взгляд, неосновательно. Не изменяя квалификацию преступления, вышестоящая судебная инстанция смягчила приговор вроде бы в пределах санкции статьи закона. Гуманизм ли это?

А трагедия в Угловке? Ведь Федотов-старший тоже досрочно освобождался. Более того, когда он в Угловке три года назад ударил мастера на производстве, его нужно было по закону (как ранее судимого) привлечь по части II статьи 206 УК РСФСР. А дали 10 суток по Указу за мелкое хулиганство. Вроде бы гуманно! Но, быть может, если бы он в обоих случаях понес наказание строго по закону, прекратились бы драки дома, не случилось бы отцеубийства. Мнимая гуманность обернулась трагедией. И кто знает, возможно, что и не было бы отцеубийства, если бы вовремя в соответствии с законом была проявлена неумолимая справедливость.

Рисунки В. Воеводина.

— Проснись, Вася, игра окончена!
Рисунок Б. Боссарта.

КРОССВОРД

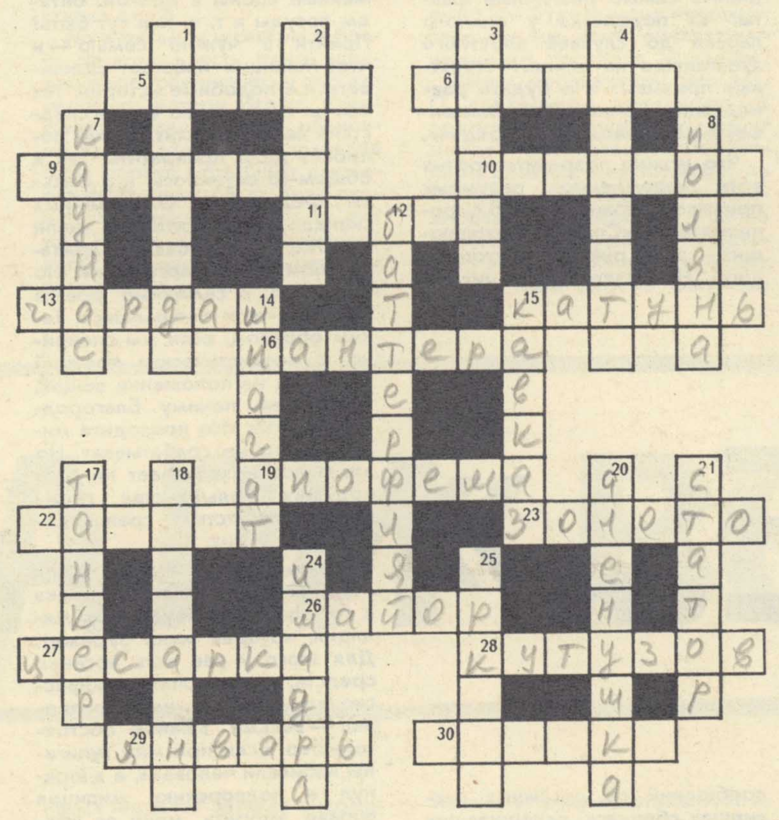
По горизонтали: 5. Приспособление для работ под водой. 6. Народный поэт Азербайджана. 9. Порт в Италии. 10. Персонаж трилогии К. Федина. 11. Промысловая рыба семейства кефалей. 13. Венгерский нарсдный танец. 15. Река на Алтае. 16. Хищное животное. 19. Высота боковой грани в правильной пирамиде. 22. Рассказ А. П. Чехова. 23. Металл. 26. Воинское звание. 27. Птица отряда куриных. 28. Великий русский полководец. 29. Месяц года. 30. Советский композитор.

По вертикали: 1. Жанр камерной музыки. 2. Великий русский писатель. 3. Дерево или кустарник с ягодами. 4. Опера Д. Мейербера. 7. Город в Литовской ССР. 8. Небольшая равнина среди леса. 12. Способ плавания. 14. Тонкая веревка. 15. Стихотворение А. С. Пушкина. 17. Нефтеналивное судно. 18. Теплообменный аппарат. 20. Картина В. М. Васнецова. 21. Часть генератора. 24. Водопад в Финляндии. 25. Одна из самых ярких звезд северного полушария неба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали: 7. Маслова. 8. Карасор. 9. Уравнение. 10. Эспланада. 11. Бартоло. 14. «Анджело». 16. Вагай. 17. Вафля. 18. Берет. 20. Катер. 22. Мозаика. 24. Гудаута. 26. Прессшпан. 28. Хронограф. 30. «Москвич». 31. Саженец.

По вертикали: 1. Селен. 2. Асама. 3. Караван. 4. Ювенал. 5. Гарпун. 6. Голавль. 12. «Тачанка». 13. Овсянка. 14. Айсберг. 15. Жалейка. 19. Донегол. 21. Стартер. 23. Куприн. 25. Удокан. 27. Сукно. 29. Очерк.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Одна из лучших доярок ярославского колхоза «Горшиха» Галина Суданова с сыном Валерием.

(См. в номере очерк «Валдайские родники».)

Фото Б. Кузьмина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Осенняя пора.

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

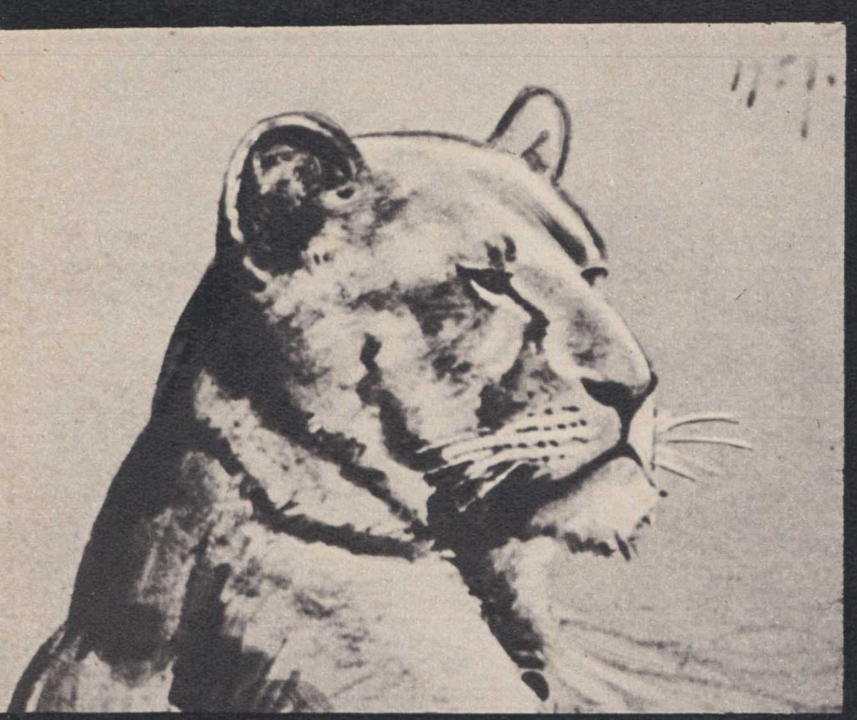
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический— 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Офсрмления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 13/IX — 1976 г. А 00718. Подп. к печ. 28/IX — 1976 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2351. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 2775.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

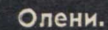

Львица.

ЛЮБОВЬ К ЖИВОТНЫМ

«Искренне приветствую рисунки Н. Козодьяна, в которых в изящных линиях выражена любовь к животным, к их облику; образы их очень выразительны. Уверен в дальнейших успехах».

В. ВАТАГИН

Олени.

Филин.

Беркуты.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663